

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
кафедра истории и мировой политики

РЕКОМЕДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

И.о. заведующего кафедрой

канд. ист. наук

Г. Р. Суфиянова.

2023 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

магистерская диссертация

ПЕРВЫЕ САДЫ И ПАРКИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОРОДАХ

46.04.01. История

Магистерская программа «Историческая урбанистика»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

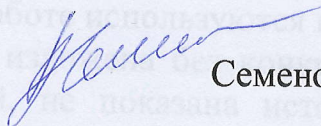
Бехтерев Алексей Константинович

Научный руководитель
д-р ист. наук,
проф.

Еманов Александр Георгиевич

Рецензент
д-р культурол., проф.,
зав. каф. ист.,
искусствовед. и
музейного дела ТГИК

Семенова Валентина Ивановна

Тюмень

2023 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. САД В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ	23
1.1. САД НЕБЕСНЫЙ	25
1.2. САД ЗЕМНОЙ.....	29
Глава 2. БИОРАЗНООБРАЗИЕ САДОВ В ГОРОДАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ	56
2.1. СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА.....	64
2.2. ЮЖНАЯ ЕВРОПА	73
2.3. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА	82
Глава 3. ПАРК. ОХОТНИЧЬЯ РОЩА.....	86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	94

ВВЕДЕНИЕ

С самого момента своего зарождения и по сей день жизнь человечества неразрывно связана с растительным миром. Первые примитивные связи были установлены ещё на заре цивилизации, когда человеческие общины разбили свои первые простые и скромные сады. Растительный мир являлся как источником материального обеспечения коллективов, так иместилищем набора духовных и мифологических представлений. Среди многих рукотворных сооружений человека сад представляется одним из наиболее подходящих для выражения различных символических форм, а также мерилom отношения человека к природе вообще.

Со временем природные ландшафты изменялись, значительную роль в этих изменениях сыграло вмешательство человека, который своим присутствием и различными видами деятельности, будь то охота, выпас скота или земледелие, спровоцировал череду трансформаций и создание антропогенного ландшафта. Интенсивные лесные пожары, опустынивание вследствие интенсивной эксплуатации лугов меняли европейскую окружающую среду, её леса, поля и, конечно, сады. В одном из своих эссе, опубликованном в 1940 году, известный французский историк, один из основоположников школы Анналов, Люсьен Февр писал: «Представьте, что древний историк Геродот вновь путешествует в восточном Средиземноморье. Он был бы несказанно удивлён! Эти золотые плоды, обрамлённые тёмно-зелеными листьями, характерные ныне для всего средиземноморья – лимонные, апельсиновые, мандариновые и прочие деревья – никогда прежде он видел их в своей жизни. Именем Юпитера! Они завезены арабами с Дальнего Востока. А эти странные растения необычных форм, ошетилившиеся шипами, с необычными названиями навряде кактуса, алоэ и агава. Как широко они распространены. Или эти американские огромные деревья с бледными листьями, тем не менее, носящие греческое название – эвкалипт. Отец истории никогда не видел ничего подобного в известном ему мире. А эти пальмы? Геродот видел их в оазисах Египта, но не на средиземноморском побережье.

Равно как и кипарисы, эти персы. И куда больше бы он удивился бесчисленным «экзотическим» растениями, используемым ныне в сельском хозяйстве» [Vercelloni V., 1990, p. 12].

Однако достигнутое биоразнообразие оказалось под угрозой уже в новую промышленную эпоху. Возрастающий стресс городской жизни, обусловленный ростом площади и населения городов, а также ухудшением общей экологической обстановки в мире, и нашей стране, в частности, определяет острую необходимость формирования экологической городской среды, которая бы не только обеспечивала условия для полноценной жизнедеятельности людей, но и способствовала сохранению генофонда многих видов растений. В связи с этим специалисты в области ландшафтной архитектуры все больше участвуют в экологическом мониторинге комфортной среды обитания человека в городе и его взаимосвязи с природным окружением.

В настоящее время формулируются новые и актуализируются прошлые градостроительные концепции, связанные с поиском экологически безопасных подходов городского проектирования. Популярность набирают такие решения и формы как экожильё, разведение садов на крышах, органичная архитектура, зелёная архитектура, биоархитектура и т. д.

Первые крупные движения за реформу городского пространства и движение к городу-саду появились в западных городах в конце XIX – начале XX века. В эпоху прогресса начали создаваться небольшие игровые площадки на уровне отдельных районов. В Швеции новый тип рекреационных зон получил название «приключенческие игровые площадки», и широко распространился в шведских городах.

Пожалуй, ключевыми на сегодняшний день документами, посвящёнными устойчивому развитию человечества в контексте сохранения биоразнообразия на планете, являются Конвенция о биологическом разнообразии, принятая в 1992 году в Рио-де-Жанейро и тесно связанные с ним Картахенский протокол по биобезопасности, принятый в 2000 году и Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам. КБР

предполагает две параллельно реализующиеся стратегии по сохранению компонентов биоразнообразия. Сохранение ex-situ, при котором используются полностью рукотворные пространства будь то зоопарк, лаборатория или генетический банк, с тем чтобы в дальнейшем путём искусственных операций, восстановить или приумножить находящиеся под угрозой исчезновения компоненты.

Сохранение in-situ напротив предполагает акцент на сохранении естественно сформировавшихся экосистем на особо охраняемых территориях для диких видов, а также создание специальных территорий для видов окультуренных, с тем чтобы сохранить их свойства. В эту категорию также можно отнести и городские сады.

Конвенция принята в подавляющем большинстве стран мира, ведущие державы создают национальные стратегии по сохранению биоразнообразия, коррелирующие между собой, а также вырабатывают общую стратегию. Так в 2010 году Стороны конвенции о биологическом разнообразии приняли Стратегический план на десятилетие с 2011 по 2020 год, который включал в себя 20 амбициозных задач, среди которых повышение эффективности осуществления за счёт общественного планирования, управления знаниями и создания потенциала развития оказания экосистемных услуг, которые бы демонстрировали обществу полезность биоразнообразия, которое не является услугой само по себе, но способствует необходимым для их реализации условиям. В перечень реализуемых услуг входят, во-первых, снабжение ресурсами, непосредственно приносящими пользу человеку, как например, лекарственные травы. Во-вторых, регуляция экосистем, которая не выражается, по крайней мере в настоящее время, в точном денежном эквиваленте. Регуляция проявляется, в частности, в фильтрации воздуха и переработке углекислого газа, что особенно актуально для городской среды. В-третьих, это культурные услуги, которые также выходят за рамки чисто экономических выгод, удовлетворяя более широкий спектр эстетических и духовных

потребностей человека, что становится возможным при контакте с особыми зелёными территориями, будь то священная роща или монастырский сад.

Однако стратегия устойчивого развития, связанная с гармонизацией отношений между общественной, экономической и экологическими системами в последние десятилетие сталкивается со всё новыми серьёзными вызовами, в том числе в городском пространстве. Эти вызовы, предопределённые мировыми финансовыми кризисами, создают угрозы традиционному формату экспертного проектирования крупных градостроительных программ по принципу «сверху вниз». Снижение уровня продовольственной безопасности, возрастающая угроза недоедания, чрезвычайная нагрузка на национальные системы здравоохранения, последовавшая после целого ряда лет политики оптимизации расходов, нацеленной на сокращение национальных долгов, стимулируют население на поиск альтернативных моделей удовлетворения своих потребностей. В ряде регионов мира, в частности, в Латинской Америке общественные и приусадебные сады стали той самой альтернативой, которая позволила частично решить проблемы самообеспечения продовольствием, ввиду значительной бедности и безработицы в отдельных городских регионах, а в иной раз и проблему дефицита лекарственных средств, которые замещались органическими продуктами, выращенными в этих садах.

Таким образом, актуализируются вопросы самоуправления, проектирования снизу. Целый ряд факторов, действующих в современных городах, пробуждает интерес обывательский и академический к опыту использования зелёных территорий в городском пространстве прошлых эпох.

Историография

К настоящему моменту в отечественной и зарубежной историографии тема средневекового садово-паркового искусства представлена довольно ограничено. Можно выделить следующие основные группы литературы.

В первую очередь, эта тема выступает в качестве лишь одного из элементов либо ступени общего генезиса мирового садово-паркового искусства в обобщающих работах, где в фокусе внимания авторов остаются

стилистические, реже функциональные, особенности отдельных комплексов. Это предопределяет отбор источниковой базы, и в качестве основных объектов рассмотрения выступают объекты, принадлежащие элите, крупным феодалам либо церковным иерархам, городские и тем более сельские культурные зелёные пространства остаются без внимания.

Вторая группа отличается интересом исследователей к региональной специфике функционирования и развития городского хозяйства. Здесь же выделяются два конкурирующих подхода, один из которых марксистский, держащий в фокусе внимания эволюцию производственных отношений в городах, взаимодействия крестьянства и нарождающейся буржуазии, и условно буржуазный, для которого важен правовой аспект, где садоводческая и агрокультура на этой территории рассматривается в качестве фактора трансформации городских ценностей от античных к средневековым. Основными источниками же выступают актовые материалы о сделках с землёй.

Кардинально иной подход демонстрируется в рамках третьей группы, где акцентируется внимание на биоразнообразии городских комплексов. А в качестве основы для исследований выступают результаты археологических изысканий на территории домохозяйств средневековых городов.

Четвёртая группа, опосредованно относящаяся к теме городского и шире средневекового садоводства, посвящена особенностям кулинарии и медицины в этот период. В исследованиях этого рода возможно подчеркнуть данные о реализации продукции зелёных городских комплексов, а следовательно, и о функционировании и биоразнообразии самих садов.

Целью данной работы является изучение генезиса садов и парков в европейских городах.

Объект исследования: города средневековой Европы

Предметом исследования являются: сады и парки в средневековых городах Европы

Целью данной работы является изучение особенностей генезиса городских садов в средневековых городах Европы

В связи с чем ставятся следующие задачи:

- 1) Проанализировать практики по организации и поддержанию первых садов городах средневековой Европы
- 2) Оценить биоразнообразие городских садов средневековой Европы
- 3) Выявить роль садов в городской повседневности
- 4) Составить типологизацию городских садов
- 5) Определить региональную специфику городских садов

Методология

Данное исследование выполнено в рамках исследования средневекового урбанизма. «Средневековый урбанизм» обычно определяется функционально на основе наличия определенных городских характеристик, таких как поселения с большей численностью и плотностью населения, высокая доля экономической деятельности, основанной на потреблении и производстве, высокий уровень административного статуса и обеспечения.

Дальнейшее определение касается городской формы, поскольку городские ландшафты обычно более структурированы и физически плотны, чем сельские поселения, хотя граница между «городскими» и «сельскими» иерархиями поселений в значительной степени зависит от местности, географии и временного контекста. Городское место в средневековой Европе, скорее всего, будет отличаться также с точки зрения его материальной культуры, например, в большем разнообразии импортных или экзотических керамических и текстильных изделий, в то время как более высокие уровни потребления в городах очевидны в изобилии останков животных и растений, обычно обнаруживаемых в средневековых городских археологических контекстах.

Один из способов написания историй средневековых городов — это изучение их формы, их морфологии.

Это включает в себя изучение характеристик планировок улиц и моделей участков с использованием крупномасштабных современных карт и планов средневековых городов. Хотя сохранилось очень мало средневековых карт

городов, современные методы составления карт в сочетании с археологическими и документальными исследованиями могут быть использованы для обозначения этапов урбанизации, имевшей место в средние века.

Это связано с тем, что каждая фаза городского развития идентифицируется по определенным морфологическим характеристикам, каждая из которых отличается своей формой и формой и становится видимой с помощью карт. Такое картирование выявляет закономерности физического формирования, поскольку города расширялись и расширялись на протяжении веков, особенно в период Высокого Средневековья. Разнообразие этих средневековых городских форм огромно, и их нелегко разделить на определенные морфологические группы или категории.

Города — это места, где структуры власти часто открыто выражаются в планировании, архитектуре и торговле, и где пространство оспаривается в соответствии с богатством, классом, этнической принадлежностью и другими формами идентичности. Археологические исследования городских мест в последние годы отошли от простого документирования физического наследия к сложному социальному анализу городских пространств и материальных ценностей.

Созданные бесчисленным множеством агентов городские пейзажи, конечно же, стали домом для многих. Насколько отличительна одна местность в городе или городе по сравнению с другой — это то, что все больше интересует городских археологов и историков, причем некоторые описывают такие различия с точки зрения застроенной среды и типов зданий, другие уделяют больше внимания ремеслам и занятиям или этническим и культурным идентичностям как отличительным чертам, в то время как другие указывают на разные звуковые и сенсорные ландшафты. Конечно, в средние века, как и сейчас, все эти факторы способствовали формированию чувства места в городском пейзаже, когда некоторые части города казались более привлекательными для жизни и работы, в то время как другие считались более

сложными, трудными или даже опасными. Таким образом, городские места имели идентичность, в то время как места, которые занимали горожане, влияли на то, как они сами были восприняты другими.

Города – это необычные экосистемы, потому что, в отличие от большинства других, городские экосистемы не могут поддерживать или заменять сами себя. Городские экосистемы формируются и поддерживаются культурными факторами, на самом деле в каком-то смысле за счет информации. Подобно тому, как решения, принятые в сельской местности, превратили леса в поля, культурное брожение в городах породило программы, которые начали действовать, в данном случае это строительство и обслуживание самого города. Города также являются полностью искусственными. Урбанизация была не преобразованием природы, а созданием целой второй природы. Естественные процессы, безусловно, происходят в каждом городе, но многие из этих процессов не происходили в этом месте, не существовали до тех пор, пока не был создан город.

Один из первых и, пожалуй, важных вопросов стоящих перед исследователем городских садов и парков, существовавших в давно минувшие эпохи, это как изучать то, что не оставляет явных следов? В отличие от архитектурных сооружений, обладающие фундаментом и чёткой структурой, сады могли появляться и исчезать, их площади могли делиться, перекапываться и, в конечном итоге, застраиваться. Что мы можем сказать о них наверняка?

Во-первых, что это было некое открытое пространство. Открытые пространства характерны и для городов, и для посёлков. Однако в равной степени открытое пространство может представлять из себя место для собраний, например, площади, либо улицу, проспект или набережную. Иные являются примером культивируемого частного или общественного сада, либо же напрочь заброшенный пустырь, возникающий в период упадка городской жизни.

Обращаясь к опыту археологических изысканий, мы можем утверждать, что эти пространства были свободны от зданий, но вместе с тем являлись неотъемлемой частью городской жизни.

Неоднозначность роли открытых пространств в городской повседневности требует осмысления. Одна из таких попыток была предпринята американским исследователем Бенджамином Стэнли, который вместе с коллективом соавторов разработал собственную типологию, включающую места, где непосредственно производятся продукты питания, сады и парки, места отдыха, площади, улицы, а также случайные открытые места, представляющие из себя пустыри [Stanley B, Stark B., Johnston K., Smith M.E. 2012]. Но несмотря на определение этих типов, Стэнли подчёркивает универсальный характер открытых пространств, что обуславливает их некоторую изменчивость. Иными словами, место и его роль в городской жизни постоянно воспроизводятся в социальной практике самих горожан. Парки могут приходить в запустение, становясь пустырями, расчищаться от растительности с тем, чтобы обустроить площадь, либо, напротив, заброшенные участки могут быть облагорожены и окультурены. Много зависит от организации работы с этим пространством. Здесь мы можем наблюдать две основные тенденции. Планирование «сверху вниз», при котором ведущая роль в организации отводится муниципальным и иным властям, и развитие «снизу вверх», которое менее регламентировано и возникает в ходе процессов городской жизни, при кооперации горожан на местах.

Что касается именно средневекового города, то следует обратиться к концепции польского исследователя Мацея Радомского, который выдвинул концепцию о том, что для открытых пространств характерны периферийность, незначительность, а также то обстоятельство, что их тяжело отследить [Radomski M., 2020, p. 2]. В соответствии с этими характеристиками он выделил три основных типа открытых городских пространств: пустоты, открытые территории и территории зелёных насаждений. Рут Матос же пишет о промежуточном характере открытых пространств, благодаря чему они

обладают определённой гибкостью [Matos, R. 2009, p. 65]. Такие промежуточные физические пространства располагаются на стыке социальных, экономических, временных и пространственных элементов городской жизни. В том же направлении рассуждает Моника Смит [Smith M., 2008, p. 217-218], которая выносит тезис о том, что в городской среде, наполненной разными социальными группами, которые выдвигают альтернативные и подчас противоречащие друг другу требования к организации пространства, наличие устойчивой открытой территории свидетельствуют в пользу достижения определённого консенсуса между этими группами, а сама территория становится местом творчества, гибкости и сотрудничества.

Следует отметить, что существует разница между пустым и открытым городским пространством. Под пустотой понимается в первую очередь неосвоенные территории в городском ландшафте, намеренно или нет заброшенные территории, не имеющие конкретной функции, тогда как открытость, хотя и предполагает отсутствие четко ограничивающих структур, но располагающие какой-либо функцией. Сюда относятся площади, улицы, рынки и, конечно, сады. В то время как пустые и открытые пространства отличаются друг от друга, теоретики отмечают общность важности этих пространств в обсуждении форм средневековой урбанизации.

Что же касается практики, то внедрение новых подходов в городской археологии, как, например, микроморфология почв, их химический анализ, позволили по-новому взглянуть на использование городской территории, более внимательно и детально рассмотреть роль открытых пространств в социальной практике. В целом, можно отметить некоторый сдвиг фокуса внимания исследователей средневекового урбанизма с застроенных пространств на темы эффективности городской жизни, последствия деятельности горожан. А сам город более не воспринимается как нечто раз и навсегда определённое, чьё существование можно разделить на чёткие периоды и этапы, высеченные в граните. Пространство в городах подвижно и податливо, являясь одновременно объектом и участником городского существования. Урбанизация, которую ряд

исследователей признают ключевой характеристикой средневековья, оставалась живой, неоднородной и тесно связанной с регионами, на которых проходила. Нельзя не согласиться с Джулией МакКлюр, которая пишет о том, что в наш век множественной современности, мы должны изучать историю множественного средневековья [McClure J., 2015, p. 616–617]. В контексте нашей темы это означает, что для понимания различных форм и последствий урбанизации мы должны признать общность и разнообразие средневекового городского опыта. Урбанизация принимает различные формы в период средневековья, и даже сходные явления будь то организация рыночных площадей, садов или парков, не были идентичны, но были выработаны в ходе переговоров между различными социальными группами, результат которых и предопределил специфику местного городского ландшафта.

Городская экология сформировала особые отношения между культурной и природной сферами жизни средневековой Европы.

Источники.

Большая часть знаний о средневековых садах, об их создании и поддержании, которыми мы располагаем, проистекает из результатов археологических изысканий, а также сохранившихся текстовых документов и произведений искусства, будь то картина, гобелен или отдельная иллюстрация. Среди письменных источников можно выделить следующие.

Первые упоминания о садоводстве мы можем встретить в Уставе святого Бенедикта, основоположника монашеского ордена, названного в его честь. В этом уставе он определяет правила, по которым следует жить сообществу монахов, и там же фигурирует упоминание сада: «Если это возможно, монастырь должен быть устроен так, чтобы все необходимые вещи, такие как вода, мельница, сад и различные мастерские, могли находиться внутри ограды, чтобы монахам не было необходимости выходить за ее пределы, поскольку это совсем не выгодно для их души». В плане письменных свидетельств наши данные о монастырских и, в равной степени, светских садах остаются весьма

скудными вплоть до IX века, когда на свет выходят 3 потрясающих документа, посвящённых садоводству и садовникам.

В первую очередь, это Капитулярий о поместьях, называемый также Городским капитулярием, изданный Карлом Великим до 812 года. Он включает список восьмидесяти девяти видов растений, который должны были по мнению Карла культивироваться в садах по всей его империи. Часть из них представляют привычные слуху и любого современного садовника, будь то огурцы, тыквы, сельдерей, петрушку, другие же, как например, мавританский горох, копытень, медвежий корень, звучат чисто по средневековому.

Следующий знаковый источник включает в себя наиболее ранние известные планы организации садов непосредственно в пространстве. Они являются частью схемы идеального монастыря бенедиктинцев, которая позднее нашла материальное воплощение в существующем и поныне швейцарском аббатстве святого Галла.

Монастырь был задуман как целый комплекс крупных строений, обрамляющий церковь, выступающую в качестве ядра всего проекта, с юга. Вокруг монастыря находятся общежития монахов, трапезная и подвальные помещения. По периметру также располагаются дом настоятеля монастыря, лазарет, кухни, гостевые дома, амбары и мастерские. План датируют примерно 816 годом или чуть позднее. При этом остаётся открытой дискуссия о природе этого плана, и насколько предназначен для реального воплощения, а не служит своеобразным идеальным вдохновляющим образцом. Этот план удивительно подробен, на нём чётко обозначены три отдельных сада, и также иные подразумевают наличие четвёртого внутри квадратной пристройки рядом с церковью.

Согласно плану, в монастыре святого Галла располагались сады нескольких типов с тем, чтобы обеспечить насущные потребности монахов. Огороженный внутренний двор, располагающийся в центре, служил местом отдохновения, где каждый монах мог насладиться свежим воздухом.

Огородные сады поставляли на монашеский стол различные овощи и зелень. Необходимые для микстур и примочек лекарственные травы выращивались в садах близ лазарета. Гербулярий имеет шестнадцать отдельных клумб, каждая для отдельного лекарственного растения. В некотором смысле садом можно назвать и зелёные пространства на территории кладбища, поскольку там были высажены фруктовые и ореховые деревья. Второй сад – хортус, или же огород, имеет восемнадцать грядок, расположенных в два ряда по девять каждая. Третий сад выполняет двойную функцию, т.к. в нём растут тринадцать деревьев, в основном фруктовых, и они равномерно распределены между четырнадцатью прямоугольниками – могилами монахов, завершивших свой земной путь

Однако стоит отметить, что на плане не указаны площади для культивации зерновых и корнеплодов, что обусловлено, судя по всему, тем, что им требуется значительные площади для роста, и потому они возделывались сельскохозяйственных землях за пределами монастыря.

Между садами на плане монастыря святого Галла и садами, которые были отражены в средневековом изобразительном искусстве и литературе можно найти много сходства. Сады, как правило, окружены аркадами или стенами со всех четырёх сторон, что делает их ровными и симметричными. Монастырская лужайка разделяется дорожками на квадранты, в то время как в огородных садах и садах лазарета посевы располагаются на равномерно расположенных рядах грядок. На самом плане часть из грядок отмечена названиями растений, активно культивируемых в средние века. Среди прочего это сельдерей, укроп, кориандр, салат и чеснок для огородных участков сада, и шалфей, мята, рута, фенхель, розы и лилии для участков, отведённых под целебные травы.

Несмотря на переоценку языческого прошлого в эпоху средневековья, целый ряд автор по-прежнему пользовался авторитетом, в частности это касалось трудов, посвящённых практической стороне жизни, например, правилам ведения сельского хозяйства и культивации растений в садах. К таким авторам относится и Рутилий Тавр Эмилиан Палладий, богатый

земледелец галло-римского происхождения, проживающий в Италии в IV веке н.э. Его специфический слог, которые иные обвиняют в недостаточной риторичности, тем не менее пришёлся по вкусу читателям более поздних эпох, а потому труд «*De re rustica libri*», активно переписывался. Наиболее популярная рукопись относится к X веку, которая вошла в оборот исследователей как Парижская рукопись № 6842. 15-я книга, непосредственно связанная с правилами садоводства, была издана в 1876-м и 1877-м годах.

Не менее известным и знаковым источником, но не столько о практиках и методах садоводства, сколько о биоразнообразии в том числе средневекового сада, является так называемый Травник Апулея, который в средневековье приписывался римскому автору Апулею из Мадауры, жившему во II веке н.э. Филологические исследования начала XX века выявили, что трактат был создан на базе позднеимских источников IV века. Структурно этот источник представлен 128 главами, каждая из которых содержит информацию о том или ином растении и способе его применения. По территориям Европы распространялся с IX века на базе манускрипта Монте-Кассино.

Следующий примечательный источник эпохи не что иное как небольшая поэма «*Liber de cultura hortorum*» (О садоводстве), Валафрида Страбона латинского поэта IX века, которая опубликована под кратким названием «*Hortulus*» или Садик и была посвящена аббату Гримальду. В центре повествования – маленький садик на острове Райхенау, где, судя по всему, работал сам автор. Получившийся специфический образец художественной ботаники даёт нам представление о реальных практиках садоводства того времени. В поэме упоминаются многие растения из ранее обозначенного капитулярия Карла. Страбон повествует об их применении, в том числе при изготовлении пива. Почетное место занимает шалфей; затем идет рута, противоядие от ядов.; и так далее, через дыни, фенхель, лилии, маки и многие другие растения, чтобы закончить с розой, "которая по силе и аромату превосходит все другие травы и может по праву называться цветком цветов. «*Hortulus*» это стихотворение, содержащее 444 строки. Некоторые

исследователи рассматривают его в качестве продолжения стихотворения Колумеллы о садоводстве. Его отличает взгляд человека, который предоставляет знания, связанный с его непосредственной деятельностью, этот взгляд отличает понимание садоводческой работы и даже некоторый восторг от неё, растений и продуктов с ней связанных.

«Это не только молва мне открыла, что всюду известно,
И не одно лишь богатство, из книг извлеченное древних,
Но прилежанье и труд; им обоим я отдал досуги
Дней многочисленных, опыт в делах получив превосходных».

Стихотворение Валафрида начинается с общих замечаний о жизни садовника. Её спокойном характере, и при этом не умаляется тяжесть повседневной работы, связанной с поддержанием сада. Садоводство начинается для автора с приходом весны и всходом сорняков вроде крапивы. Он задаётся вопросом: «Что делать?» несколько раз и начинает прополку. Таким образом, стихотворение повествует о создании сада с нуля. С подготовки почвы.

Дабы сад не смыло дождями, его требуется укрепить досками и приподнять будущие грядки над общим уровнем земли. То же мы видим у римского писателя Палладия в книге «Opus agriculturae», где он советует учитывать характер дренаж при установке уровня грядок, и опускать или поднимать их соответственно. Однако здесь, в документе 840 г. Впервые появляется элемент в виде досок. В дальнейшем в более поздних рукописях и первых книгах появляющиеся сады имеют этот элемент в виде досок, который будет использовать вплоть до начала XVIII века.

Валафрид культивирует растения с использованием их семян или саженцев, поливая «капля за каплей...сквозь пальцы», т.е. буквально своими руками, чтобы более мощный поток воды не потревожил семена. Его сад на территории монастыря расположен за высокими стенами, так что часть его всегда находится в тени, другая скрыта от большинства осадков.

Большая же часть стихотворения, состоящая из двадцати двух разделов, концентрирует внимание читателя непосредственно на культурах сада.

Валафрид использует латинские наименования, а также описывает внешний вид, количество и области применения тех или иных растений в своём саду. Среди них встречается шалфей, рута, божье дерево, тыква, большие дыни, полынь, шандра, укроп, ирис, любисток, кервель, лилия, мак, склярёга, мята, полей, сельдерей, чёрная буквица, репейник, турецкий чернобыльник, кошачья мята, редька, роза. Отдельно упоминается крапива, в качестве сорняка, а также индийский перец и гранат как «иностранные» продукты. Основным же критерием подбора растений остаётся их полезность, а лишь затем учитывается эстетическая составляющая, которая может быть выражена в определениях красивого, любопытного или даже комичного. Даже упоминание лилии, розы, ириса не должно вызывать удивления, поскольку в эпоху Валафрида эти растения активно использовались равно в кулинарии, так и в медицине, а потому по праву находятся в малом лекарственном саду. Так лилия лечит от укусов змей, ирис подавляет «пузырчатую сыпь», а роза, как он сказал бы нам, имеет бесчисленное множество применений. В этом саду, однако, практически отсутствуют овощи, так как они могут быть выращены на полях. Цветы же подобраны здесь за свою полезность, а декоративная составляющая вторична, хотя в конце стихотворения Валафрид и упоминает символично-мистическое значение лилий и роз, что намекает на использование их в качестве декора для венков и гирлянд на религиозные христианские празднества.

Список Валафрида убедительно перекликается с растениями и деревьями, указанными в плане св. Галла, а они, в свою очередь, вполне соотносимы с более полным и древним Капитулярием Карла Великого. Эти три документа дают общую картину состояния садоводства в Западной Европе около 800 года, которое можно охарактеризовать как простое, ограниченное, и утилитарное.

После Валафрида проходит много времени, прежде чем появляется другая группа текстов, в той или иной мере, затрагивающая тему садов и садоводства. Списки растений появляются в энциклопедических и лингвистических трудах, ссылки на сады, их иллюстрации отрывочны, почти случайны.

Большой вклад в умножение знания о растительном мире внёс знаменитый средневековый мыслитель Альберт Великий. В контексте исследования, среди его многочисленных трудов нас интересует книга, посвящённая ботанике, получившая названия «*De vegetabilibus et plantis*», «Об овощах и растениях». Она была написана после 1260 года, а именно в разделе, посвящённом садам «*De plantatione viridariorum*».

Целый набор образцовых эмпирических подходов можно найти в целом жанре письменных текстов: практических руководствах по садоводству, управлению поместьем, геодезии, охоте и другим подобным повседневным занятиям. Например, Пьетро де Крескенци, болонский юрист, профессиональный городской менеджер и землевладелец, в 1307/9 году написал для короля Неаполя труд под названием «*Rurallium Commodorum*», «Сельская местность». В нём Пьетро собрал информацию от римских агрономов и из своего собственного современного опыта, рассматривая такие темы, как тестирование почвы, уход за ореховыми деревьями, осушение земель, пчеловодство, лечение больных овец и так далее. Проблемы были обыденными, а методы сочетали изучение книг и практические знания.

Особняком стоит «Парижский домохозяин» (*Le Menagier de Paris*). В конце XIV века анонимный французский писатель составил книгу, адресованную пятнадцатилетней невесте, где повествование ведётся от имени ее мужа, богатого парижанина в возрасте. Книга была создана для обучения этой молодой жены морали, обязанностям и поведению, приличествующим женщине ее общественного положения, в случае ее весьма вероятного вдовства и последующего повторного брака. Работа также представляет богатое собрание практических сведений для жены и ее домашнего хозяйства, включая трактаты о садоводстве, чему посвящена одноимённая вторая статья второго раздела этого руководства.

Джон Гарденер, "Праздник садоводства". около 1400 года: стихотворение, содержащее списки растений и описывающее методы садоводства, вероятно, написанное королевским садовником. Замечательное стихотворение,

содержится в рукописи, хранящейся в библиотеке Тринити-колледжа в Кембридже. Стихотворение Джона Гарденера, по-видимому, было написано примерно в 1440–1450 годах, но заглавные заголовки написаны более поздним почерком. Джон Гарденер, несомненно, был садовником-практиком, поскольку стихотворение представляет собой серию самых разумных инструкций по выращиванию фруктов, трав и цветов, и его работа на удивление свободна от суеверных верований в астрологию, а также от экстравагантных фантазий и экспериментов по прививкам выращиваемым растениям, особенно фруктовым деревьям, что было так распространено в работах этого периода.

Атлас городов земного мира (*Civitates Orbis Terrarum*) увидел свет в XVI веке (выходил в течение 46 лет — с 1572 по 1618 гг.). Всего было издано шесть томов. Авторы атласа — гравёр и издатель Франс Хогенберг и теолог Георг Браун. Атлас был опубликован в Кёльне. Атлас состоит из 552 планов, гравированных на меди и затем раскрашенных акварелью. Атлас представляет собой набор перспективных планов «с высоты птичьего полета», красочные гравюры с изображением пейзажей, городских зданий, фигур жителей в национальных костюмах, выполненные по рисункам художника и рисовальщика Георга Хуфнагеля. Помимо этого, атлас содержит планы, сделанные на основе геодезических съёмок. Большая часть планов — планы европейских городов, так как территории Африки, Южной Америки и Азии на момент создания атласа были недостаточно изучены. Планы «с высоты птичьего полета» — это подробные натурные зарисовки панорамных видов городов с какой-либо высокой точки. Большую часть геодезических съёмок производил Якоб ван Девентер.

Великолепный часослов герцога Беррийского является часословом книга, заказанная герцогом Жаном I-м Берри и в настоящее время хранящаяся в музее Конде в Шантильи (Франция) под обозначением Ms. 65

Он был заказан герцогом Беррийским братьям Полу, Иоанну и Герману Лимбургским примерно в 1410-1411 годах. Незаконченная после смерти трех художников и их покровителя в 1416 году, рукопись, вероятно, была завершена

в некоторых календарных миниатюрах анонимным художником в 1440-х годах. Некоторые историки искусства видят в этом руку Бартеlemi д'Эйка. В 1485-1486 годах он был завершён в нынешнем виде художником Жаном Коломбом от имени герцога Савойского. Приобретённый герцогом д'Омале в 1856 году, он до сих пор хранится в его замке Шантильи, из которого он не может выйти из-за условий завещания герцога.

Из 206 листов рукопись содержит 66 больших миниатюр и 65 маленьких. Длинный и сложный дизайн книги претерпел множество изменений и изменений. Для его декораций, миниатюр, а также для каллиграфии, надписей и оформления полей было привлечено множество художников, но определение их точного количества и идентичности остаётся на уровне гипотез. Миниатюры помогли сформировать идеальный образ Средневековья в коллективном воображении. Это особенно относится к изображениям в календаре, наиболее известным, изображающим как крестьянские, аристократические сцены, так и элементы примечательной средневековой архитектуры.

Попытка воссоздать садоводческие ландшафты наталкивается на проблему письменных источников правового характера. Сады и фруктовые сады волнуют современников меньше, чем жилища. Нотариальные записи городов неутешительны. Из подсчёта, проведённого Н. Куле [Leguay J.-P., 2009, p. 50] из 300 сборников торговой активности жителей Экс-ан-Прованс, на юго-востоке Франции, следует только один акт продажи сушёных овощей. Глава о десятине в государственных ведомостях сводится к перечислению общих сумм на содержание поместья, а в записях городских монашеских общин в разделе о доходах их членов учитываются только покупки на улице, где редко представлены продуктами из садов. Исключениями служат особые случаи, такие как покупка овощей для муниципального банкета.

Информация об археоботаническом материале черпалась из базы данных Международной рабочей группы по палеоэтноботанике (IWGP), который представляет собой неформальный и децентрализованный коллектив всех исследователей, работающих в широкой области археоботаники.

Основополагающая идея сегодняшнего IWGP восходит к середине XX века. В 1966 году, во время 7-го Международного конгресса доисторических и протоисторических наук, исследователи–первопроходцы Мария Хопф, Клаус–Дитер Ягер, Мария Фоллиери, Эмануэль Оправиль, Зденек Темпир, Арпад Патай и Джейн Ренфрю - в переписке с Фатихом Хафизовичем Бахтеевым, Моисеем Марковичем Якубзинер и Виллем ван Зейст - выдвинули идею создания международной группы, занимающейся исследованиями взаимодействия человека и растения.

Сайт организации предоставляет свободный доступ к накопленному археоботаниками исследовательскому материалу по всему миру, в том числе интересующему нас европейскому региону.

Глава 1. САД В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

Во времена Каролингов единственными крупными городами на европейской земле были византийский Константинополь (население 500 000–800 000 человек) и мусульманская Кордова (примерно 500 000 человек в X веке), Севилья и Валенсия. Западное возрождение началось в ползучей форме в Италии IX века и нарастило свои темпы там к концу X века. Примерно к началу второго тысячелетия урбанизация снова стала общекультурным социально-экономическим явлением, каким бы незначительным ни был ее преобладающий масштаб. Возрождались и возникало множество новых малых городов. Вместе с этим возникла тенденция к обретению ими внутреннего самоуправления, после их первоначального экономического роста в течение XI–XIII веков. В то же время повсюду с XII века и до начала XIV волна европейцы предпринимали большие усилия для внутренней колонизации, основывая всё новые и новые поселения. В результате примерно к 1300 году городская сеть стала хорошо налаженной. Её основная форма сохранялась впоследствии даже в индустриальную эпоху и до сих пор лежит в основе большей части основной городской сети Европы сегодня.

Средневековая модель характеризовалась интенсивной урбанизацией в северной Италии и вторичной густонаселенной зоной в Нидерландах, с выбросами, распространяющимися на такие места, как Лондон, Париж и Кельн, а в других местах - более редкой, но широко распространенной сетчатой застройкой. В Испании христианское завоевание XIII века привело к сокращению крупных андалузских центров, поскольку новые жители нашли себе место в другой европейской сети.

Городские историки [Муравьёв, Самаркин, 1973, с. 36] теперь полагают, что некоторые места тогда намного превосходили то, что раньше считалось высоким диапазоном в 35 000–50 000 жителей. В настоящее время считается, что население Парижа составляло 200 000 человек; Флоренция, Милан, Венеция и Лондон приблизились к отметке в 100 000 человек, а еще около дюжины городов приблизились к отметке в 50 000 человек. Затем модель

городской жизни распространилась по наклонной плоскости буквально на сотни маленьких городков с населением от 2000 до 5000 человек, разбросанных по всем относительно развитым частям западного христианского мира.

Средневековые города создавали новую среду обитания для людей. Юридические границы и физические стены отрезают город от его непосредственного окружения. Внутри была в значительной степени застроенная среда полная людей. Люди теснились в городах, однако приспосабливались к новому порядку. Значительные изменения происходили в физическом окружении, которое было намеренно трансформировано для социальных нужд человека. Примером этого может служить город Брауншвейг конца XII века был возведен на примерно двух миллионах тонн земляной насыпи, заложенной в низине рядом с рекой Окер, что было, с точки зрения Европы в целом, беспрецедентным масштабом. По последним подсчетам, в середине XIII века на каждого жителя Флоренции приходилось около сорока восьми квадратных метров. Действительно, такое большое число достигается только за счет включения площади Арно и его лугов, всех улиц и площадей, а также всего остального в пределах городских стен. Во Флоренции в то время, вероятно, проживало около 80 000 жителей, которые быстро размножились. К 1300 году в Париже размещалось более чем в два раза больше людей на площади, несколько меньшей, чем во Флоренции, что привело к сжатию городского пространства каждого из них всего до шестнадцати квадратных метров. С другой стороны, плотность населения Флоренции составляла около 2100 человек на квадратный километр, а Парижа - около 6200 человек; последнее число выше, чем в современном Лондоне, и составляет 5100 человек на квадратный километр, что является самым плотным показателем в Западной Европе. То, что немногие жилища возвышались над землей более чем на три этажа, еще больше сужало жилое пространство средневекового города.

1.1. САД НЕБЕСНЫЙ

Говоря о садах средневековья невозможно пройти мимо идеального образа сада небесного. Первый сад, Эдем, в человеческом разуме связан в равной степени и с красотой, и с пользой. Гармония между двумя этими начала является неотъемлемой частью образа идеального сада, который связан с одним из самых значимых событий в истории христианства. Сад наполнен символикой, которая сохранилась в европейской культуре вплоть до наших дней. Наличие сада в различных городах и поселениях способствует поддержанию европейской культурной самобытности и разнообразия. Поэтому неудивительно, что на протяжении всего средневековья они стали одной из любимых тем в искусстве. Они появлялись в книжных иллюстрациях, настенных росписях и гобеленах. Изображения были достаточно реалистичными, чтобы исследователи могли идентифицировать их и соотнести с конкретными местными, либо же привезёнными извне видами. Символизм райского сада, способствовал тому, что садоводство активно поддерживалось церковью. Неудивительно, что самый подробный план сада раннего сада относится к бенедиктинскому монастырю святого Галла. В монастырях всегда были сады, иногда с бассейнами и фонтанами, как в замковых садах удовольствий. Монастырские сады были тихими, мирными местами для работы и созерцания — образами рая в мире, полном шума и опасностей.

Сады символизировали успех человека в укрощении природы и возвращении изначальной славы Эдема. В этом проявляется роль человека во взаимодействии с природой в рамках европейской традиции, садовник преобразует окружающую среду под себя и доминирует над природой. Человек засекает свои поля в параллельные борозды, чьи линии подобно колоннам солдат подчиняются своему генералу. Позднее в итальянских садах это усиливается новым приёмом, посредством чередования повторяющихся деревьев и живых изгородей, подстриженных в повторение геометрических фигур. Регулярные сады в определённом смысле стали продолжением ранних сельскохозяйственных практик господства над природой, избавления от

первоначальной природной изменчивости в пользу организованного порядка. Посадка деревьев и аккуратное систематическое размещение прочих зелёных насаждений – это проявление человеческого торжества над природой, подчинение её своим нуждам и представлениям.

Несмотря на божественный прообраз сад оставался многофункциональной площадкой, и мог называться по-разному, в зависимости специфики конкретного сада. Сад могли обозначить словами *hortus*, *gardinum*, *herbarium*, *vergier* или *herber*.

Сад - общая тема проповедей священников, проповедников, место, ставшее привычным для верных слушателей, для всех, кто хоть немного знаком со святой историей. Сад служит местом действия многих эпизодов ветхого и Нового Заветов и известен слушателям воскресных проповедей. Так Адам и Ева содержали райский сад. Несколько эпизодов из жизни Христа происходят в сельской обстановке. Гора и оливковый сад, расположенные недалеко от потока Кедрон, являются теми местами, где он воссоединяется со своими последователями и подготовливается к страсти. Другой сад занимал место, где он был распят: "на том месте, где был распят Иисус, был сад, а в этом саду - совершенно новая гробница, в которую никогда никого не клали ..." пасхальным утром Мария Магдалина идет к гробнице и встречает воскресшего Иисуса, «но она считала, что имеет дело со зрителем сада...». В Средние века Христос, которого можно изобразить с лопатой на плече, считался божественным садовником души, которая сама по себе является «сокровенным и тайным местом, куда может проникнуть только он» [Vercelloni V., 1990, p. 20].

По мере того, как культ Марии завоевывает популярность на Западе, появляется все больше изображений Богородицы с Младенцем Иисусом, отдыхающих в огороженном саду, среди кустов или корзин с благоухающими розами и фиалками. Эта цветущая по своей природе тема «Дева в саду» придает картинам или иллюминациям часовых книг XV века изящный и знакомый вид. Сад стал важным символом как для Церкви, чувствительной к символике

природы, так и для поэтов, авторов куртуазных рассказов, художников или для простых верующих, готовых восхищаться, идеальным выражением красоты, совершенства и сладострастия. Даже растения приобрели духовное значение, которое они, правда, имели уже в язычестве. Виноградная лоза напоминает каждому о Евхаристии, прекрасная красная роза о крови мучеников, белая лилия - о девственности девственницы, трехлопастный клевер - о Троице, плющ о вечность, мира и фиалка о послушании, гвоздика о мистическом союз Девы и Бога и так далее. Все эти символы чистоты, добродетели призваны отвратить демонов, защитить от грехов, материализованных в сорняках или овощах фаллического вида, такими как лук-порей на фигуральных изображениях.

Флора садов, лугов и лесов занимает свое место рядом с настоящим или фантастическим зверинцем в этом метафорическом месте, каким является церковь или монастырь. Скульптура европейских соборов и церквей нашла там образцы для капителей, для украшения вершин и тимпанов из капусты, стилизованных сосновых шишек, чертополоха, пальметт, папоротника, плюща, кресс-салата. Первые монастыри нищих, как и монастыри цистерцианцев до этого, выставляли запасы садовых плодов перед зданиями, подобно декоративным витринам, и в некотором роде очищали Божий сад.

На мистическом Агнце братьев ван Эйк из алтаря Сен-Бавон в Генте мы обнаруживаем с предельной живописной точностью травянистую поляну, наполненную цветами, деревьями, а на заднем плане-здания, напоминающие Небесный Иерусалим. Четыре процессии, пришедшие с противоположных дорог, встречаются возле жертвенника Агнца и фонтана жизни, где пророки держат раскрытые книги, за ними следуют уже монотеистические язычники, апостолы, затем благочестивые исповедники, среди которых папы, прелаты, одетые в красное, выше мученики в синем и девственницы в красивых цветастых платьях. На других частях изображены ряды рыцарей, честных судей, паломников, отшельников, которые также сходятся к божественному животному.

Живописцы братья Лимбург стремились создать райский оазис, полный зелени и света, в замкнутом круглом космосе. Это должно было быть местом чистого блаженства, зеленое, наполненное фруктовыми деревьями, кипарисами, оливковыми деревьями, розами, лилиями, ирисами, растущими на лужайке, птицами и другими животными творения, фонтанами и ручьями. Место покоя, одновременно близкое, но недоступное для живых, расположенное за пределами известного мира с центром в Иерусалиме.

1.2. САД ЗЕМНОЙ

На протяжении всей истории города описывались по-разному. Некоторые авторы перечисляют наиболее поразительные свойства и качества города. Другие авторы представляют себе города как скопления значительных зданий и сооружений, например: мэрии, церкви, городские дороги и рынки). В обоих подходах город сводится к его наиболее характерным элементам. Другие аспекты городского опыта оставались неизученными, хотя они, безусловно, характеризовались специфическими особенностями. Благодаря усовершенствованиям статистических методов и административной практики в более позднее время, всю городскую поверхность стало легче охватить одним подходом. Тем не менее, такого рода описания и анализ часто рискуют оказаться статичными и бесцветными. И тем более это касается такого необычного объекта как садовый участок.

Садоводство может принимать различные формы. Площадь, используемая для культивации одной культуры, может также использоваться для культивации другой. При этом термины сад и поле могут перекликаться между собой, поскольку и поныне существуют регионы, где господствует традиционное хозяйство, а садоводство остаётся доминирующей формой землепользования. [Van der Veen M., 2018, p. 55–56]. Таким образом, значение имеет площадь обрабатываемой земли. Огород в этой связи можно определить как небольшой участок, расположенный близ населённого пункта или постройки, где ведётся мелкая сельскохозяйственная деятельность. Ключевыми характеристиками такого участка являются ограниченность и культивация, а также способ обработки земли. В садах основным инструментом в работе с землей была лопата, в отличие от полей, где полагались на плуг.

Таким образом, сады, в целом, различаются по масштабам и методам возделывания, расположению обрабатываемых участков, а также разнообразию типов возделываемых культур. Огороды в отличие от крупномасштабного выращивания одной культуры предназначены для выращивания нескольких видов вместе, где каждый вид представлен сравнительно небольшим

количеством растений. Садовые и огородные растения в сравнении с полевыми также требуют более интенсивного ухода за собой, что выражается в использовании удобрений, режиме полива и обработки почвы.

Физическое присутствие сада в археологическом контексте зачастую обозначается системами границ. Граница сада может состоять из таких элементов как деревянный забор, живая изгородь, терраса, а также насыпи, дороги или здания. Забор вокруг культивируемого места сигнализирует о принадлежности этой земли какому-то собственнику, защищает её от ветров и животных.

Поскольку простолюдины работали на землях крупных землевладельцев, они быстро знакомились с новыми технологиями посевной и привозными семенами [Zeven A., 2002, p. 157]. Не стоит забывать, что монахи путешествовали между монастырями. Они перемещали ценные культуры, делились передовыми методами возделывания садов. То же касается и кастелянов с их многочисленными поездками между замками. Однако монашество формировалось из представителей разных сословий, в том числе и из простолюдинов. Свой первый опыт садоводства они получали в семейных садах (огородах), принадлежащих их родным или соседям. То же можно сказать и про замковых слуг. Монахи и слуги так или иначе сохраняют связь со своими корнями, а потому при случаях семейных визитов может производиться обмен семенами, различной утварью и садоводческими знаниями. Поэтому всякая новая культура, либо сорт, либо новая техника быстро распространялись между садами замковых слуг, монахов и простолюдинов.

Увлечённые садоводы из народа заметят любую полезную новую форму садоводческого дела, соберут необходимые материалы, которые в итоге подобно кругам на воде от брошенного камня будут распространяться всё далее на большие расстояния. Примером подобной ситуации может служить случай распространения в позднее Средневековье двойной коломбины, или как она звалась в народе, бабушкиной шляпки [Landsberg S., 1995, p. 90]. Вопрос того, кто впервые обнаружил и распространил её остаётся открытым.

Активный рост городского населения обгонял возможности его продовольственного обеспечения. По этой причине произошёл рост рыночных садов. Рыночное садоводство развивалось покуда в пределах городских стен оставалось достаточно места. Часть горожан стали садовниками с ориентацией на рыночный сбыт своей продукции. Во фламандских городах такие изменения произошли в XII веке. Так, например, в Брюсселе в пределах городских стен под рыночный сад была организована низменная местность “*bruken van Orsedal*”, что переводится как ручьи Орседаля. Местные садовники получили прозвище «брукойзен», которое стало названием всей профессии и сохранилось за ними даже когда рыночные сады перекочевали в районы за пределами городских стен [Zeven A., 2002, p. 160]. Также и в других регионах за стенами крупных городов развивалась данная рыночная форма садоводства. К их числу, например, относятся зафиксированные в 1405 году “*orti caulinum*”, то есть капустные сады, расположившиеся близ Арнема в Нидерландах недалеко от Велперпорта, или же Велпевских врат [Verkerk C. L., 1992, p. 109]. За пределами Девентера, также в Нидерландах, капустные сады были сданы в аренду в 1363 и 1368 годах. В расширяющихся городах подобного рода сады располагались внутри новых стен, что со временем быть использованными для строительства домов и улиц расширяющегося города.

При поиске данных о средневековых временах приходится обращаться к любым записям. В частности, где упоминаются необычные события, связанные с климатическими событиями. Например, в хронике капеллана Треспозля, жившего недалеко от Маастриха, на юге имеются сведения о крайне мягкой зиме 1477/78 года, из-за чего 2 февраля даже зацвели анютины глазки. Сходные сведения отражены в хронике Жиля Жаммина из Льежа в Бельгии, согласно этому тексту, 5 февраля зацвели белые розы. Уже 28 апреля он собирал урожай клубники, 4 мая на прилавках появились спелые вишни, а 29 мая зацвели лилии. Тогда же он съел *fructus pisorum* (сахарный горошек). Судя по всему, эти записи относятся к растениям, растущим в монастырских садах, но в равной степени могли относиться и к растениям, выращенным в садах простолюдинов.

Во многих записях сообщается о капусте, луке-порее и некоторых иных овощах, культивируемых в Нидерландах [Zeven A., 1993, p. 158]. Данные культуры, весьма вероятно выращивались в огородах, хотя напрямую огород там не описывается и редко упоминается. Учитывая высокую стоимость земли в том же Амстердаме, большая часть земли должна была использоваться для строительства зданий. Задние дворы и сады также застраивались, появились так называемые вторичные дома (achterhuizen'), что приводило к сокращению зелёных территорий. Однако небольшие укромные уголки могли быть сохранены для выращивания зелени, трав и декоративных растений. Однако это не относится к менее многолюдным городам, где местные подворья и сады использовались для культивации овощей либо иных целей локального производства, например пекарен, свинарников или курятников. Когда места было достаточно садовники могли позволить себе выращивать одно или несколько фруктовых деревьев. Кроме того, в малых городах можно было обнаружить следы коровьих стойл, хранилищ сена и даже виноградников. В средние века данные территории были обширнее. Также в Амстердаме было задокументировано наличие фруктовых садов. В XIV веке один из таких садов был упразднён в угоду строительства Новой церкви. Рядом с этим местом были разбиты сливовый сад, огороды с шалфеем, капустой, луком-пореем и чесноком. Данный сад существовал ещё на момент 1482 года, следующие сведения датируются 1453 годом, когда здесь был организован постоянный двор. В основном фруктовые сады в городах принадлежали богатым людям, и состояли главным образом из яблонь, хотя встречались также грушевые, сливовые и даже вишнёвые сады. Также мы располагаем информацией о существовании графского сада, *graven bumgart*, в городе Лейден в 1363 и 1381 годах.

Аналогичные случаи можно обнаружить и в других городах Европы. Так названия городских кварталов, такие как "Меннелин Гартден" в Вормсе, упомянутый в 1307 году, и "bumgarten" (фруктовый сад) в Аугсбурге в 1383 году, оба в Германии, сохранили прежнее землепользование [Zeven A., 2002, p.

159]. В Амстердаме квартал "Йордан" может означать сад. Однако этимология названия этого квартала неизвестна, и предположительно может иметь корни во французском произношении слова сад (*jardin*).

В Майнце X века по сообщениям Ибрагима ибн Ахмеда ар-Тартоеджи значительные территории в городе использовались как пахотные земли, что сильно удивило посла. Он пишет, что «она (земля Майнца) богата пшеницей, ячменём, виноградниками и фруктами», что подразумевает наличие фруктовых садов [Там же, р. 161].

В Пизе несколько огородных участков, связанных с религиозными учреждениями, были расположены в пригородных зонах: те, что находятся во внутреннем дворе оперы *Primaziale del Duomo*, датируются XIV - XV веками; те, что связаны с домом гробовщика, примыкающим к монументальному комплексу *Camposanto*, те, что находятся внутри северного двора монастыря из Сан-Маттео, датируемые концом XIII - началом XIV века; и те, что находятся на территории церкви Сант-Андреа в Чинзике, где во второй половине XIV века с северной стороны церкви располагался небольшой огород, который затем, между концом XIV и началом XV века, превратился в сад-кладбище, украшенный фруктовыми деревьями.

Другие огороды были расположены на *via della Faggiola*, *Palazzo Giuli*, в южном секторе города, где между XIII и XIV веками большое пространство, оставшееся пустым от предыдущих построек, было огорожено кирпичными или каменными стенами и впоследствии использовалось как огороды, а также *via Sant'Antonio*, где огороды примыкали к зданиям, выходящим окнами на улицу. Если мы объединим археологический анализ с топонимическими исследованиями, то можно увидеть, как топонимы, связанные с выращиванием огородов и виноградников, располагались в пригородных районах внутри городских стен позднего средневековья, за исключением топонима Орто (огород), о котором мы знаем с начала XI века и который, вероятно, связан с землями, изначально расположенным близко к реке Аузер, следовательно, более плодородным. Топонимы, непосредственно связанные с лугами либо

пастбищными угодьями (Prato –clusi, Prato Vocci, Pratale, Pratuscello), которые, скорее всего, использовались для овцеводства, поскольку все они были расположены за пределами городских стен XII века, за исключением Pratuscello. Этот топоним, известный с 964 года и связанный с постепенным преобразованием Пизанского болота, обозначал одну из границ раннесредневекового города. Общее наличие огородов внутри города-крепости сохранялось вплоть до нового времени, что подтверждается как большим количеством карт XVII и XVIII веков и видами местности, так и земельной книгой Леопольдино, в которой изображен город с бесчисленными огородами за его домами и широкими открытыми возделываемыми пространствами в пригородной полосе за городскими стенами [Gattiglia G., 2014, p. 33]. Таким образом, имеющиеся данные позволяют нам оценить широко распространенный характер и расположение этих методов культивирования в пределах городских стен. К сожалению, отсутствие археоботанических исследований в этой местности не позволяет нам точно определить культивируемые виды.

Дабы лучше понять тему городского садоводства следует уделить внимание специфике формирования отдельных европейских городов. Тогда как многие из них возникали на месте своих античных предшественников, либо укрепленных мест на переправах, часть из них, формировавшиеся изначально вне территорий бывшей Римской империи, впервые возникли как обнесённые стеной сельские поселения, и местные жители сохраняли часть своих деревенских традиций отношения к земле, в том числе в городе.

В раннесредневековом Риме, да и во всей Италии, было мало обычных городских рынков оптовых или индивидуальных продуктов питания, было очень мало монет, на которые можно было купить сыр или нут, и было очень мало специализированного сельского хозяйства, подразумевающего специализацию производства, связанной с конкретными рынками сбыта и логистикой. Фрукты и овощи выращивались на садовых участках внутри городских стен, и некоторые из них фигурируют в археологических данных как

возделываемые участки, пристроенные к домам или рядом с ними, а также в документальных записях среди объектов недвижимости, которые были куплены, проданы и обменяны.

Наличие садов для производства продуктов питания в крупных итальянских городах раннего Средневековья представляет собой отрыв от позднеимперского прошлого, а также отличается от позднего Средневековья с его более плотными городскими пейзажами и специализированными рыночными садами. В целом верно, что в имперский и позднеантичный периоды в римских городах существовали активные рынки продуктов питания, которые выращивались в поместьях за пределами города и доставлялись городским потребителям, и, хотя там были разбиты портики и увеселительные сады, называемые *viridaria* или *horti* и засвидетельствованные, по крайней мере, до III века, в крупных итальянских городах в римский период, как правило, не было значительного производства продуктов питания в пределах городских стен [Purcell N., 2001, p. 450].

В римский период города снабжались товарным сельским хозяйством во внутренних районах для перераспределения на городских рынках. Примечательно, что такая модель производства продуктов питания во внутренних районах была также типична для итальянских городов позднего Средневековья, когда потребности населения позволяли коммерциализировать сельское хозяйство [Romano D., 2015]. Безусловно, в Италии всегда существовало сельское хозяйство, а города всегда в какой-то степени подпитывались сельской местностью. Однако для раннего Средневековья свидетельств о садоводстве рыночного масштаба в городских глубинках мало, в то время как возделываемые площади в масштабах домашних хозяйств в городах получили новое распространение. Городские приусадебные участки для производства продуктов питания означали явные изменения не только в экономических системах обеспечения продовольствием по сравнению с предыдущим и последующим периодом, но и во внешнем виде городского пейзажа.

Упоминания об огородах на частных жилых территориях в Риме появляются в конце VI века, в середине VII века в Равенне и все чаще по мере расширения документальных свидетельств в Средние века [Goodson C., 2018, p. 23]. Лукка в VIII веке была описана как "город-сад", основываясь на частоте появления городских садов в сохранившихся документах о собственности. Наличие значительного количества участков, которые обрабатывались или включали в себя возделываемые территории, прилегающие к домам, таким образом, является разрывом с древним городом.

Позднее горожане стали объединяться в гильдии. Так мы имеем записи о так называемых «boulude» (фермерах) в Неймегене, а в ранее упомянутом Маастрихе сформировалась гильдия «oofmengers», что буквально значит разводчик фруктовых деревьев [Alberts W.J., 1983, p. 43]. А в 1294 году там появился известный старейшина, сохранившийся в памяти потомков под именем Ян Садовник, что прямо намекает нам на его род деятельности. Оба эти города располагались на территории современных Нидерландов. В Любеке существовала гильдия садовников с ориентацией на рыночное производство. Однако они рассматривались в качестве горожан второго сорта, «Medebörger», то есть со-горожанами. Помимо деятельности в садах на них возлагались обязанности по поддержанию земляного вала, укреплений и канала, а также очистки городских площадей от мусора и нечистот [Zeven A., 1993, p. 607], которые в свою очередь служили общему делу становясь компостом для садов гильдии. В Вюрцбурге гильдия садовников, *ortulanorum*, существовала в 1373 году. Любек и Вюрцбург располагаются в Германии.

Что касается принадлежности городских садов, то многие возделываемые территории в городах контролировались городской элитой, как частной, так и церковной. Изучение этих садов с помощью их текстовых и археологических записей дает нам небольшое представление о меняющихся социальных структурах внутри города, взлетах и падениях на небольших рынках и эволюционирующих идеалах благотворительности. Сочетание документов о собственности с письмами, повествовательными хрониками и значительным

объемом новейшей городской археологии позволяет теперь наблюдать за городским снабжением продуктами питания в раннесредневековой Италии и связать феномен городского озеленения со сменой властных структур в городе.

В городах раннесредневековой Италии относительная власть, получаемая благодаря владению сельскохозяйственными угодьями, возможно, была увеличена за счет высокой видимости городских возделываемых пространств. В городе владельцы различных объектов недвижимости и продукция, производимая на этих землях, были гораздо более заметны, чем в случае отдаленных сельских владений. В городе соседи и незнакомцы в равной степени видели владения друг друга и урожай, который они могли бы вырастить. Можем ли мы представить себе большую конкуренцию за эти земли, чем за сельские? У ученых есть существующие интерпретационные рамки для толкования конкуренции и проявлений власти в искусственной среде. Мы выявляем социальные стратегии, проявляющиеся в способности заказывать архитектуру или церковные украшения, например, в городах раннего средневековья. Точно так же возможность выращивать собственную продукцию в черте города могла бы стать предметом элитной конкуренции и устремлений. Контроль над продовольственными ресурсами в городских условиях мог бы дать экономическое преимущество владельцам садов, а также изучить роль, которую городские земли играли в экономике и на продовольственных путях.

Сады, огороды и виноградники передавались в качестве подарков между аристократами, часто от вышестоящего лица его стороннику, чтобы вознаградить за прошлую лояльность, обеспечить ее в будущем и увеличить доход получателя и его потенциальный заработок. В качестве наглядного примера мы можем рассмотреть подарки Беренгара I, короля Италии (888–915), впоследствии императора, который подарил городскую собственность с возделываемыми (или пригодными для обработки) участками в Вероне. В 889 году, по ходатайству графа Вуалтфреда, Беренгар подарил сад (*ortum*) в Вероне своему другу (*fidelis*) Атто [Goodson C., 2018, p. 13]. Он находился рядом с

древним складом и был окружен стенами, рядом с церковью Святого Пьетро в Куртисе; скорее всего, он располагался на левом берегу реки Адидже, рядом с древним театром, в районе, где со времен остготов находился королевский дворец. Беренгар также подарил гортензию в центре Вероны некоему Ингельфреду по просьбе его супруги Бертиллы. Согласно размерам участка, указанным в документе, этот "маленький сад" имел площадь около 625 кв.м., так что это не был незначительный участок сельскохозяйственной собственности в черте города. Он был расположен недалеко от "Corte Alta", в районе, который, по-видимому, был относительно плотно застроен недалеко от бывшего римского форума, с несколькими домами и церквями. В 913 году Беренгар устроил участок земли (terrula) на "арене" Вероны, что означает бывший театр в районе рядом с дворцом и замком (castrum), на другом берегу реки.

Беренгар, получив прошение от своего придворного Гримальда, отдал землю священнослужителю Йоханнесу, своему камергеру. В документе, сохранившемся в оригинале, указаны размеры многоугольник, огороженного жердями (perticae) в соотношениях 10x7x2x6 шагов. Йоханнес и раньше получал подарки, например мельницы на реке Адидже, и, по-видимому, входил в близкий круг Беренгара, что сыграло важную роль в его правлении [Rosenwein B., 1996, p. 261]. Эти городские земли в Вероне были лишь частью земельных даров, которые Беренгар раздавал своим последователям, и они были крошечными по сравнению с укрепленным замком, поместьями и мельницами, которые он подарил в Северной Италии.

Подарки Беренгара сторонникам и его окружению привлекли значительное внимание ученых из-за их масштаба. Правление Беренгара над северной Италией было бурным и оспаривалось на протяжении десятилетий; он использовал дары земель, чтобы заручиться поддержкой. Джованни Табакко считал его расточительным правителем за то, что он отдал так много королевской собственности и так много прав в частные руки [Tabacco G., 1989, p. 248–249]. Барбара Розенвайн по-новому оценила щедрость Беренгара, изучив

социальные отношения, которые он с ее помощью формировал. Она определила, что получатели его подарков делились на три различные группы: родственники его первой супруги Бертиллы или его дочери от нее, члены его двора в Вероне или приверженцы маркиза Адальберта. Дары этих трех городских садов, безусловно, соответствуют схеме, которую она выявила: они были подарены двум "верным" последователям, а еще один одному из его собственных придворных, священнослужителю, который получил обширные подарки от короля как внутри города Верона, так и за его пределами. Подаренные им участки земли вокруг королевского дворца в Вероне, на левом берегу реки, были частью процесса окружения его двора верными последователями путем демонтажа королевского центра и передачи собственности в частные руки. Квартал города, который веками ассоциировался с королями, уступил место небольшим участкам домов, частным церквям и молельням, садам и небольшим полям. Люди, которые владели ими сейчас, все еще были непосредственно связаны с королем и его двором, действительно, передача собственности и почетные условия дипломов обеспечивали эту связь, и люди, получавшие эти посылки в подарок, получали социальный престиж благодаря весьма явной и, возможно, вполне заметной связи с королем [Rosenwein B., 1996, p. 261].

Однако эти три участка недолго оставались в частных руках. Один отправился в Веронский монастырь святого Зенона, а другой - в *xenodochium*, основанный Иоганном священнослужителем. Ингельфред передал свой сад веронскому монастырю Святого Зенона в качестве пожертвования, которое было подтверждено самим Беренгаром в 901 году; возможно, он всегда предназначался монастырю, после того как Ингельфред какое-то время обрабатывал его и собирал урожай. Сад под сводами театра фигурирует в завещании Йоханнеса, епископа Павийского, вероятно, того же человека, который получил его от Беренгара. В завещании от 922 года перечислены его многочисленные владения, включая дом и ораторию, которую он основал на арене, а также участок земли (*terrula*), упомянутый выше, и несколько других

садов, участков и частей вспомогательных сооружений. Йоханнес завещал их *xenodochium*, хоспису для бедных, который он основал в районе театра, сохранив при этом некоторые из этих участков для своих племянников и двух соседок на всю их жизнь. Это пожертвование сада хоспису, основанному мирянином или священником, повторяет модель, засвидетельствованную по всей Италии в раннем Средневековье, когда городские сады передавались в руки священнослужителей [Goodson C., 2018, p. 14].

Во многих случаях хосписы создавались путем пожертвования собственного дома или имущества священнослужителя учреждению. Например, в 757 году в Лукке несколько священников из церкви святых Джеминьяно, Паоло и Андреа вместе основали хоспис, снабдив его своими таунхаусами, в одном из которых был сад, а также различными другими объектами недвижимости и домашними животными, чтобы сформировать первоначальное ядро поместья [Goodson C., 2018, p. 33]. Точно так же в 903 году епископ Милана завещал свой частный дом в городе вместе с баней, внутренним двором, часовней и огородом превратить дом для бедняков [*pauperum*] [Balzaretto R., 2011, p. 560]. Другие хосписы были основаны светской аристократией. В 908 году в завещании Ансельмо, графа Вероны, было указано, что его двухэтажный дом и сад в Корте Альта в Вероне вместе с внутренним двором, колодцем и фруктовым садом должны стать хосписом, который должен быть наделен другими владениями в сельской местности. Не все владения, которые вошли в состав хосписов, включали сады, но многие из них включали их. Возможно, что возделываемые земли, прилегающие к хосписам, использовались для того, чтобы помочь им выполнять свои благотворительные функции. Плоды этих садов, как только они были переданы хосписам, вероятно, доставались непосредственно живущим там священникам, а также бедным, больным и паломникам, которые часто посещали их.

Очевидно, что характер сохранения документов раннего Средневековья отдавал предпочтение записям о собственности, перешедшей в руки церковных учреждений, и поэтому вполне возможно, что этот широко признанный переко-

в науке приводит к завышению доли городских садов, которые были переданы церковным благотворительным учреждениям., и непосредственно церковь. Учитывая скудость непрофессиональных архивов в этот период, неясно, насколько это может быть правдой.

Картина меняется с течением времени, когда формируются более обширные светские архивы. Средневековые оценки численности населения зависят от характера доступных источников, немногие из которых были составлены в демографических целях. Завещания и финансовые источники часто являются основными показателями стратификации населения. В городе Манреса, Каталония, 13,5% налогоплательщиков XV века были фермерами. Эта доля относительно невелика, особенно по сравнению с крупным городом Монпелье, Лангедок, в котором накануне "черной смерти" проживало более 30 000 человек. Там 22% налогоплательщиков 1380–1480 годов были фермерами или садовниками.

Таким образом, данные свидетельствуют о том, что каждый пятый городской житель позднего средневековья в Монпелье занимался сельским хозяйством. Но, за исключением садовников, у нас нет конкретной информации о фактической работе, которую выполняли фермеры. Мы не знаем, например, какая доля специализировалась на разведении крупного рогатого скота или овец; сколько в основном производили вино или зерновые. Мы не знаем, ни скольким принадлежали поля, которые они обрабатывали, ни сколько обрабатывали поместья других людей, ни у скольких не было земли и гарантий занятости, и они переезжали с фермы на ферму в поисках работы.

Городские крестьяне заключали мало трудовых контрактов. В Марселе, в Провансе, 10% трудовых контрактов XIV века, проанализированных Франсин Мишо, касались земледелия [Leguay J.-P., 2009, p. 63]. Цифра низкая, но сопоставима с данными, которые я собрал для Монпелье в Лангедоке. Причина такого небольшого показателя заключается в том, что сельское хозяйство, в целом, редко приводило к составлению трудового контракта, даже в сельской местности, где это было основным занятием работников. Поскольку

сельскохозяйственные работы носили сезонный характер, они редко требовали юридических гарантий, необходимых для заключения долгосрочных трудовых контрактов.

В источниках Монпелье некоторые идентифицировавшие себя городские крестьяне совмещали разные работы, предполагая, что сельское хозяйство на самом деле не было их занятием полный рабочий день. Некоторые мужчины называли себя “земледельцами и садовниками”. Двое мужчин были “плотниками и пахарями”; один налогоплательщик работал “музыкантом, пахарем и общественным глашатаем”; один был “перчаточником и пахарем”; в то время как другой числился “пахарем и торговцем рыбой”. Возможно, сельское хозяйство было их основным занятием, но у них была побочная деятельность, чтобы сводить концы с концами.

В городке Кастельнодари, недалеко от Тулузы, 95% жителей XIV века, плативших налоги, владели по крайней мере некоторыми сельскохозяйственными угодьями. В XV веке этот показатель составлял 91,5%. Большинство этих землевладельцев владели очень маленькими поместьями (менее 2 га), которых не хватило бы для содержания их семей. Тем не менее, эти земли действительно гарантировали своим владельцам некоторое пропитание.

Однако наличие огородов часто зависело от плотности населения городов и демографического контекста. Во времена демографического давления, когда города были переполнены, места, занимаемые садами и огородами бедняков, использовались под жилье. Следовательно, размер и количество таких садов уменьшились. Но когда население сократилось, например, после Черной смерти, незанятые участки и заброшенные дома были превращены в овощные грядки, чтобы помочь прокормить более скромные домохозяйства. И по сей день сокращение численности населения в городах иногда приводит к преобразованию имеющихся земель в сады и парки.

Что касается иллюстративного материала, то здесь все довольно неоднозначно. Когда Луиза Готейн в своей классической работе 1926 года

иллюстрировала свою главу о средневековых садах, она использовала картину Питера де Хуча XVII века. Вполне возможно, это было обусловлено тем, что она не смогла найти более раннее изображение. Ранние и более поздние историки культуры и искусства, изучали многие средневековые картины и рукописи (в основном с религиозной подоплекой) в качестве источника информации по многим интересующим предметам. Похоже, что в этих источниках описаны дикие и некоторые одомашненные декоративные растения, но нет сельскохозяйственных культур и овощей [Chavannes-Mazel С.А., 2022, р. 63]. Любой изображенный сад — это сад замка, монастыря, аббатства или лазарета. Кроме того, мы можем найти изображения, демонстрирующие деятельность фермеров на поле, например сбор урожая зерновых культур, но невозможно сказать, пшеница это, ячмень или рожь. Также изображены садовые мероприятия, такие как копание, посадка, прививка и обрезка. Но не показано, был ли после перекопки создан овощной сад [Zeven А., 1993, р. 606]. До сих пор мы не нашли для северо-западной Европы изображения средневекового огорода простого человека. Также мы все еще должны использовать для северо-западной Европы пост средневековые иллюстрации, в частности из Атласа городов мира земного XVI века.

Сады, которые пронизывают жилую ткань, не всегда проявляются с очевидностью в стереотипных изображениях, которые дают миниатюры или гравюры, больше ориентированные на то, чтобы изобразить структуру городских укреплений, хорошо вымощенные улицы, сияющие чистотой, недавно отреставрированные памятники, в то время как возделываемые пространства и островки зелени остаются на периферии внимания художников.

Планы города, составленные Якобом ван Девентером для короля Габсбургов Филиппа II около 1570 года, являются важными источниками для Нидерландов и прилегающих районов. На плане Вагенингена, нарисованном с высоты птичьего полета примерно в 1640 году, изображено множество садов. Это, должно быть, были огороды. Первые два документально подтвержденных настоящих декоративных сада датируются XIX веком [Zeven А., 2002, р. 155].

Точно так же во многих других городах огороды располагались как внутри городских стен, так и за их пределами. Пример приведен Вильмердингом, который показал, что между внутренней и внешней стенами города Геттинген в Германии были разбиты огороды [Там же].

Что касается более детального расположения садов внутри города, то участки зачастую располагались либо на задних дворах, либо окружали сам дом по периметру участка, тем самым разграничивая земельные участки между собой. Ландшафт города Ним на юге Франции, который за счёт сельского хозяйства и текстиля трудно представить без обширных возделываемых земель. Сады вписывались в пространство, ограждённое стеной по периметру, и были вытянутыми по форме, однако отсутствие точных кадастровых показателей привело к тому, что на первых планах эти участки были оставлены пустыми. Также неопределённость в площадях садов характерна для города Камперле в северо-западной Франции, в Бретани, однако дома, выходящие на главную улицу, имели земельный участок. Некоторые из них были богаты опятами.

Город Париж, о котором можно узнать из миниатюр рукописи 1317 года "Жизнь Сен-Дени" или "Великолепного часослова герцога Беррийского", сохраняет, несмотря на густоту своего населения, сады, виноградники, луга на территории Пале-Рояль, на берегу реки и на островах Сены, таких как будущий иль-Сен-Луи, и, более того, на горе Сент-Женевьев, а также за основными магистралями, которые образуют улицы Сен-Дени, Сен-Мартен, Сен-Антуан и их ответвлениями. Парижские священники также содержали собственные сады, продукты которых, в первую очередь овощи, выращивались для домашнего потребления, а также для украшения церкви, когда речь заходит о цветах. [Bayard T., 1985, p. 81–82].

В общем и целом, характер и площадь незастроенных земельных фондов, чётче всего прослеживается в записях, касающихся налогообложения, что демонстрируется на примере городов Кастр и Тулуза на юге Франции. Садам отводятся краткие описания в декларациях об имуществе, пожарных проверках, аннуитетах (отчётах о земельной ренте), в актах купли-продажи, нотариальных

имущественных паях. Историки с их помощью наметили расположение садов в ряде городов, таких как Родез, Экс-эль-Прованс, Тулуза, Доул, стоящий на реке Юра близ второго крупнейшего леса Франции Шо. Составить план городского землепользования для конкретного исторического промежутка, где бы выделялись зелёные территории, отличные от застроенных участков, возможно только лишь в случае точных представлений о населении и местности, а также налоговый реестр, позволяющий воспроизводить точные площади участков. При это необходимо учитывать периоды процветания, стимулирующего застройку, и упадка, который приводит к опустыниванию территорий. В итоге, имеется целый ряд факторов такие как демографическое давление, финансовые возможности города и его потребности в трудовых ресурсах, которые должны быть отражены в архивных документах, чтобы сложилась целостная и развивающаяся картина землепользования в городах.

До XIII века, после продолжительного периода игнорирования, упоминания о городских садах и огородах остаются в лучшем случае фрагментарными. Так документы, подтверждающий сам факт существования садов составляет лишь 1% в массиве данных Пикардии по утверждению историка Р. Фоссье [Fossier R., 1968, p. 102]. Исключения также составляют города Камперле и Редон в Бретани. Судьба приусадебных участков зависела от демографической динамики, региональных и мировых политических событий. Налоговые льготы на строительство также стимулировали сокращение зелёных пространств в городах. Примером динамики может служить священный город французских королей, Реймс, изученный историком Жан-Пьером Легуэем [Leguay J.-P., 2009, p. 55]. Эллиптический комплекс площадью 60 гектаров, включающий центр, Бург-де-Сен-Реми, и опасные пригороды были освоены в течение X века, а уже начиная с XI века начинается расширяющее город строительство, формируются новые городски центры, появляются новые улицы, как например Еврейская, Монье, Монетар. В XII веке расширение происходит за пределы городских ворот в сторону реки Ла Вель. Широкая полоса земли 2х0.6 км заполняется пахотными землями и пастбищами. А

начиная с 1183 года известный прелат, шампаньский епископ Гийом со своими канониками и землевладельцами организует новый городской квартал. Часть садов сохраняется несмотря на колоссальный труд по застройке и благоустройству, придавая местности сельский деревенский вид.

В общем, процесс поглощения городом бывших пахотных земель не происходит моментально, но постепенно сокращает зелёные участки под застройку. Таким образом, целые районы Тулузы, включенные в новый комплекс 1347 года, сохраняют сельский характер, о котором напоминает наличие пустующих площадей, лугов, домов, называемых бордесами (приграничными). Когда позволяет экономическое состояние и рост населения, возделываемые площади становятся пригодными для использования землевладельцами, то сады за стенами сокращаются по количеству и протяженности, оказываются зажатыми между соседними стенами и помещаются в редких кварталах. Последние сельские хозяйства постепенно заменяются постройками, мастерскими, пристройками к основным зданиям.

Тем не менее, сужение границ городской ткани не обязательно обрекает на исчезновение все свободные пространства. После завершения английской оккупации Парижа во времена Карла VI и после восстановления мира при Карле VII усилия по консолидации имущественного наследия после демографической катастрофы, в результате которой 50% жителей города исчезли, а трущобы сократились, восстановление и строительство красивых особняков способствуют созданию благоприятных условий для проживания. Парижские сады в привилегированных кварталах, на правом берегу возле Сен-Поль и на левом берегу вокруг Лувра получают вторую жизнь.

Особняком стоит город Ренн, где есть документ о положении рантье в период 1454–1455 гг. Этот реестр имеет указания на ширину улиц, площади домов, без учёта этажей, а также количество садовых и незастроенных участков. В результате изучения архивных материалов историки выделяют три крупных района города-крепости. Во-первых, Старый город площадью 9 гектаров, где сады ограничены задним двором зданий, расположенных вдоль

узких извилистых улочек, окружающих собор и площадь монетного двора. Всего зарегистрировано 56 садов, зажатых между стенами домов и крепостными стенами. Примерно 327 указанных домов расположены почти вплотную друг к другу, а их средняя ширина составляет 3,3 метра, с промежутками около 1,65 м. Для домов более зажиточных горожан, знати и священнослужителей эти промежутки доходят до 10 метров.

К востоку по направлению в сторону Парижского шоссе располагается Новый город ранее бывший пригородом уже более просторен. В этой части поселения зарегистрировано уже 639 домов и 278 частных садов, а также 14 пустующих площадей. Ремесленные кварталы рядом с улицами Нев, Бордери и Пергаментари довольно плотно заселена, а территории близ церкви Сен-Жермен, бенедиктинского аббатства Сен-Жорж и его кладбища по-прежнему просторны. К югу от реки Вилен вокруг Собора всех святых территории также слабо заселены и сохраняют загородный вид. К 384 домам прилегали 227 домов, 28 пустырей и 7 полей, а также луга, рожи которых выходят на берег реки у ручьев Шосуле, Понт-Тебель. Свободная земля, таким образом, распространяется по всей территории города.

Ранние планы Нанта указывают на наличие садов и пустых пространств вблизи монастырей Кордельеров и Кларисс. Открытые пространства также возникают вследствие разрушений и запустения территорий, как например после осады крепости Ламбаль в 1420 году. Среди руин на короткий период времени начали культивировать сады.

Зелёные пояса вокруг городов.

Ограниченные площадями городских укреплений и границами придомовых участков сады имеют больший простор за пределами стен. Это может быть территория близ портала ворот как в Арле, либо вдоль внешнего контура стен как в Монбельяр. В Драгиньяне сады занимают квартал к востоку от города. Лучшие участки фруктовых и овощных садов расположены в полусельской полугородской поясе, который в пригородах постепенно переходил в живописные поля, виноградники, пастбища и рожи. Огородные

участки могли располагаться близ оборонительных рвов либо даже в самих рвах, если там была плодородная почва, что можно наблюдать на примерах Нефшателя, Лувье, Усселя [Leguay J.-P., 2009, p. 67]. Помимо кормовой помощи, такая деятельность способствовала также военным интересам. Возделываемая территория не перекрывает линию огня, избавляет защитников от необходимости сносить дома, расположенные близко к валам, в случае опасности. Близость к водоёмам, озёра, прудам, как например пруды Аргенон-ан-Жюгон, пологие берега ручьёв или рек благодаря лёгким условиям полива становятся привлекательным местом для садоводческой активности. Для города Монпелье такой территорией была влажная местность между реками Эро и Видурль, для Периге – расположенный к северу от города район богатый источниками. В Арассе в садовом секторе на северо-востоке аббатство Сен-Вааст сдавало в аренду 208 земельных участков в середине XII веков. Налоговые отчёты города Ремуа фиксируют концентрацию садов на берегах реки Весл в 1328 году. Здесь, в частности, располагались сады архиепископа, ограниченный улицами Рю де Весл и Рю де Жар, которые ежегодно приносили около сорока ливров валюты и около двадцати возов сена. Обширные территории в предместьях Вана были превращены в луга и сады, в том числе бывшая заболоченная территория Гротель, близ прихода Сен-Патерн. Другой выгодной территорией можно считать старицы, мёртвые рукава, высохшие пруды и острова. Инкрю или Иль-дю-Дюб в долине реки Юре были пустырями, которыми последовательно владели герцоги Бургундии, затем лорды города, а после муниципалитеты и частные лица, организовавшие на них сады и культовые сооружения.

Что касается непосредственной организации хозяйства, то в зависимости от сезона бригады прислуги, мужчины и женщины, дети, работали на овощной площадке, вскапывают землю, сеют, обрезают, собирают урожай. За огородами ухаживали лучше, чем за пашнями, они получали больше навоза, водорослей на побережье или золы, что не мешало им становиться жертвами ужасных засух,

череды неурожаев, вреда, причиняемого болезнями и вредителями, среди которых гусеницы, грызуны, белые черви, вороны и прочие птицы.

Миниатюры дают представление об инструментах, используемых в ходе работ. Среди них встречаются мотыга, кирка, лопата, серп, вилы, грабли.

Одним из ключевых вопросов является вопрос доступа к водным ресурсам. Обеспечение сада водой становится настоящей проблемой, если поблизости нет ручья, либо грунтовых вод, залегающих на небольшой глубине, либо не установлено кошевое колесо. Большинство овощей, потребляемых в то время согласно рецептам тушёных блюд либо в составе супов не терпят засух, предпочитая влажность. Не случайно сады Бьевр в Париже располагались близ реки. На миниатюрах поливом занимались женщины и дети, поливающие участки водой из реки, которую доставляли с помощью глиняных кувшинов и деревянных вёдер, окованных железом.

Идеальным вариантом можно было бы считать наличие источника, оформленного в виде фонтана, вода из которого распределяется с помощью набора шлюзов в виде ручьев и желобов, орошающих землю. Водосбор мог осуществляться тремя способами: посредством прямого забора проточной воды, отводом подземных вод под уклоном либо в систему общего бассейна, который распределён на несколько участков. Однако засуха оставалась серьёзным вызовом, на который находились уникальные решения. Примером может послужить система города Экс-эль-Прованс, где при сильной засухе проложили деревянные трубы к домам, где даже предусматривались акведуки, идущие через долину, с помощью которых можно было регулировать подачу воды в квартал Бург-де-Анж.

Такой порядок немислим без сложной системы договорённостей между потребителями воды с введением определённого графика её подачи. Так, например, человек мог иметь право на забор каждый вторник и одно воскресенье в месяц. И напротив неопределенность в потреблении провоцировала конфликты между садоводами и другими городскими потребителями будь то ремесленники или мельники. Так в Экс-ан-Провансе

потребовалось отдавать распоряжение о прекращении работы мельниц с полудня субботы до утра понедельника дабы садоводы получили право на откачку воды. «Парижский домохозяин» также отмечает важность полива, который проводится в определённое время:

«Следует помнить, что все, что вы сеете, сажаете или прививаете, вы должны сеять, сажать и прививать в пасмурную и дождливую погоду на убывающей луне или же вечером или ранним утром, пока солнечное тепло не достигло пика; помни, что в пасмурную погоду хорошо сажать, но не сеять, ибо семена прилипают к граблям...Вы не должны поливать растения в жару, но необходимо вечером или утром; не срезайте зелень, ожидая что она отрастет. Солнце обожжет срез и зелень не сможет расти»

Площади садов, как уже отмечалось ранее, редко становились объектом детального рассмотрения современников. Однако зафиксированные площади изменяются во времени и в зависимости от региона, поскольку применялись разные меры для определения границ участков.

Мы можем начать с примера из Рима, в котором смиренный монах Кресцентий Муркапулло передал свои владения на Целийском холме близлежащему монастырю Святого Эразмо в 1003 году:

«..этот одноэтажный дом, полностью облицованный черепицей, с печью внутри, двором и увитой виноградом беседкой перед ним. Также рядом с ним сад с фруктовыми деревьями, с правом выезда на дорогу общего пользования и со всем, что к этому относится, расположенный в районе под названием "порта Метровия". Где я, Кресцентий, до сих пор жил. С одной стороны находится сад Йоханнеса Фолле. С другой стороны находится сад Йоханниса, священника и кардинала. А третья и четвертая стороны окружены дорогами общего пользования» [Goodson C., 2018, p. 15].

В той же хартии он также пожертвовал терру (зерновое поле) площадью 13 моддиев за пределами близлежащих Порты Метрония, в Прата Деци (Decenniae), которая была окружена четырьмя другими полями. Кресцентий, прежде чем стал называть себя смиреннейшим монахом, по-видимому,

арендовал несколько других участков, возможно, разбив новые поля для возделывания; некоторые из них находились в том же районе на Целио.

За десять лет до того, как пожертвовать эти участки, Кресцентий арендовал у монастыря Святого Эразмо несколько участков:

Поляну с руинами и стенами, знаменитые руины под названием *Centum Cassavo*, расположенные за пределами Аппиевых ворот, недалеко от дороги, ведущей в Сан-Себастьяно. Половина поляны в Прата-Деции. Половина поляны в местечке под названием Кальцитриол. Наполовину заболоченный сад и пруд рядом со стеной. Вспаханный виноградник из двух частей. Рядом с ним пустое поле, на котором находится древний винный пресс. Все они расположены за пределами Порта Метровия [Goodson C., 2018, p. 16].

А в 1003 году, в тот же год, когда он получил дар, он был назван владельцем сада по соседству с домом в Реджио III, недалеко от церкви Сан-Стефано-ин-Челио (ныне называемой Сан-Стефано-Ротондо).

Пожертвование 1003 года может представлять собой его последнее имущество после нескольких лет продвижения по имущественной лестнице; похоже, это была довольно роскошная резиденция с точки зрения местоположения, размера и разнообразия Robert [Stephens R.C., 1996, p. 241]. Один из его соседей был латеранским пономарем. У другого соседа в доме была мраморная лестница, а также "большой сад рядом с ним и перед ним, с виноградными лозами и плодоносящими деревьями". Дом, сад и беседка Кресцентия имели ярко выраженный городской контекст, в непосредственной близости от соседей с другими домами, другими садами, городской инфраструктурой и несколькими церквями, и все это соединялось главными дорогами, проложенными в античные времена. По соседству проходил действующий акведук, ответвление *Aqua Claudia*. Он использовался, по крайней мере, на протяжении IX и X веков и назывался *Forma Lateranense* из-за его близости к Латерану и, возможно, потому что персонал Латеранского монастыря жил по соседству, как мы уже видели. Уже в середине IX века вокруг источника воды на вершине Целио начали разбивать дома с садами, как

указывает другой документ из Реестра: на Целио Пиппин арендовал иподиакону римской церкви участок ‘свободной земли для строительства дома... и небольшой садик посреди проточного ручья, между руинами’ [Goodson С., 2018, р. 18]. На протяжении оставшейся части IX и X веков сохранились свидетельства существования нескольких домов с ухоженными садами в этом районе внутри стен. Дар Кресцентия также включал возделываемые земли, которые находились непосредственно в пригороде, сразу за ближайшими к его дому воротами Порты Метрония. Это были открытые поля, расположенные в нескольких минутах ходьбы от его резиденции.

Общая сумма совокупного имущества Кресцентия, переданного в дар святому Эразму в 1003 году, составляет 16 модиев. Используя пересчет Пьера Тубера в 1 модус = 2300 квадратных метров, площадь участка для внутреннего пользования составила бы 6900 квадратных метров, а площадь участка для заочного пользования - в четыре раза больше. Площадь земли внутри стен была явно меньше, чем снаружи, и существует четкое различие между зерновыми полями за стенами и культурами, которым требовалось больше внимания — фруктовыми кустами и деревьями, виноградными лозами и овощами — внутри стен.

В Бретани мерили бороздами примерно в 2,42 м, в Сен-Омере единицей измерения был квадратный фут, который составлял площадь со сторонами от 30 до 33 см, в иных случаях измерения шли столбами и шагами. Сады Арля были неоднородны, и если в центре города они сужались до участков в несколько десятков метров, то в районе Тринкейталь они могли достигать до 2 гектаров. Расположенные в Терасконе, в километре от этого комплекса сады, составляли по площади один соте или 8,75 ара, или один эме, что значит 4,4 ара. Эти крошечные участки тем не менее оставались очень дорогими, чья стоимость доходила до 10 флоринов за соте. Большинство огородов, которые мы встречаем в архивах Арморики, состоят из крошечных участков площадью от 10 до 100 м², от 4 до 10 гектаров. В Ренне в 1455 году 63% приусадебных участков занимали площадь менее 150 м². Чем дальше мы удаляемся от

крепостных стен и окраин при выходе из ворот комплекса, тем больше увеличиваются размеры, и вскоре мы достигаем площадей 537 м² в Шательениде-Лилль, от 1000 до 5000 м² в предместьях. Самые большие сады Сен-Омера имеют площадь от 0,35 до 0,70 га. Таким образом, частные сады, насчитывающие несколько сотен в крупных населенных пунктах (450 дворов и садов, известных в Лионе в 1446 году), являются источником разнообразия и оригинальности даже в городском ландшафте.

Что касается Германии, то первое место среди городов, выращивавших вместе со своей сельской округой овощи, фрукты и сортовые семена, главным образом для продажи, занимал центральный город Тюрингии – Эрфурт. За ним следовали такие города как Майнц, Вюрцбург, Бамберг, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, Нюрнберг.

В 1449 году горожане Эрфурта по приказу ректора университета Тило Цинглера за короткое время освоили в низменностях реки Геры заболоченное и заросшее колючим кустарником пространство в 65 га, которое целиком использовалось под огороды и сады.

Автор «Хроники странствующего ученика» И. Буцбах сообщает, что он лично знал крестьянина, который в один год, в конце XV века, продал на рынке вишни на 30 гульденов, что по тогдашним рыночным ценам соответствовало стоимости 70 центнеров ржи. Сады, следовательно, составляли настоящее состояние. В 1403 г, например, один бюргер Мюнхена заложил свой сад за 42 гульдена. В уркунден – собраниях актовых записей и грамот, начиная с 70-х годов XIV века сады и огороды трактуются как самые ценные земельные владения бюргеров, которые как правило, могли служить залогом в торговых договорах, подтверждали соблюдение условий одной из сторон или продавались отдельно от домов и других владений [Майер В. Е., 1979, с. 75].

Таким образом можно сделать вывод о том, что городское садоводство в раннем и высоком средневековье испытывало большое влияние со стороны религиозных корпораций. Ввиду плохой сохранности либо отсутствием светских фондов о городском землепользовании в этот период, основным

источником об организации садоводческой деятельности являются авторы и акты тесно связанные с сословием священства.

Культивируемые городские участки являлись ценным активом, посредством операций с которым можно достигать ряда целей, как политического, так и сугубо утилитарного практического свойства. Во-первых, перераспределение земельных активов могло выступать в качестве стратегий власти и формирования социальной и элитной поддержки в пользу перераспределяющего собственника земли. Во-вторых, в это время можно отметить практику пожертвований земель в том, числе в городах в пользу монастырей, на базе которых формируются различные медицинские организации по типу хосписов, где сад для получателя, в лице священнослужителей, а также в дальнейшем паломников, в этом случае является средством самообеспечения продуктами питания и медицинскими средствами, а для жертвователя является средством получения личного духовного блага и, возможно, улучшения общественной репутации.

Для периода позднего средневековья характерно увеличение представительства темы городского садоводства в светских источниках. Повышается роль сада как производственной территории, а сама практика садоводства через регламентацию деятельности садоводов-производителей, которые теперь объединяются в гильдии, становится фактором, влияющим на городскую повседневность, начиная с топонимики и заканчивая вопросами порядка потребления воды в городе.

Были выявлены две противоположные стратегии или фактора формирования зелёных территорий в средневековых городах Европы. Фактор процветания, когда административная граница города расширяется, что может выражаться в возведении новых укреплений, и таким образом бывшие гораздо более сельские по своему характеру пригороды напрямую включались в городскую жизнь, сохраняя на определённый момент времени свои зелёные территории, которые сокращались по мере активного жилищного строительства на этих площадях. Фактор упадка и запустения, когда вследствие разрушений,

вызванных стихийными бедствиями, как например пожар или эпидемия, или вмешательством человека, например, осада, часть городских территорий обезлюдили, либо приходили в упадок, чтобы затем быть очищенными от построек и руин и быть введенными в городское землепользование, в частности садоводство. Однако зелёные территории даже при самых высоких темпах урбанизации не исчезали из городской ткани. Частные и корпоративные сады и огороды так или иначе были представлены в большинстве городских районов, их площадь зачастую росла по мере удаления от городского центра, что отражают как величина арендной платы, так и изображения планов городов.

Глава 2. БИОРАЗНООБРАЗИЕ САДОВ В ГОРОДАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

У нас есть довольно подробные формальные сведения о перечне культивируемых в средневековье растений, которые отражены как в письменных, так и в графических источниках. Мы знаем, что растения, позже завезенные из Америки, еще не выращивались в Европе, среди них такие привычные для современных столов помидоры, картофель и кукуруза. Также стоит отметить, что, хотя большинство средневековых растений все еще известны и знакомы сегодня, некоторые потеряли популярность и редко выращиваются. Не всегда возможно идентифицировать средневековые травы и цветы и провести параллели с культивируемыми в настоящее время растениями, поскольку в некоторых записях о садоводстве используются народные названия, значения которых были утеряны.

Описания растений в гербарии Апулея начинаются с длинного списка названий: вот как греки называют это растение, и как его называют другие (*alii*), и как его называли третьи (*alii*). Предоставление названий растений, по-видимому, было более важным, чем их изображение. Задолго до нашей эры люди давали названия растениям на своих родных языках, и они передавались из уст в уста как часть устной традиции. Региональные различия привели к появлению множества разных названий, с которыми люди, по-видимому, знали, как обращаться.

Письменность позволила распространить знания на большую территорию, и стало ясно, что для устранения потенциальной путаницы необходим список синонимов названий растений. Сегодня монографии Всемирной организации здравоохранения по отдельным лекарственным растениям по-прежнему функционируют по той же системе: латинское название, за которым следует список "избранных названий на местном языке".

Возможно ли сегодня определить, какие садовые растения произрастали в Западной Европе одну или две тысячи лет назад и какие названия им были даны?

У нас есть доступ к ряду письменных источников примерно со времен Карла Великого, то есть примерно с 800 года нашей эры или вскоре после этого. Эти источники содержат списки растений, произраставших в поместьях и монастырях конца VIII и начала IX веков. Одним из таких документов является капитулярый, или постановление, называемое *Capitulare de villis*, и касается управления поместьями. Два других документа представляют собой описи садов и угодий Аснапиума и Треолы. Случайно эти три списка сохранились вместе во фрагментарной, на первый взгляд незначительной рукописи, датированной примерно тридцатью годами позже. Упомянутая выше рукопись начала IX века содержит копии описей Аснапиума и Треолы, двух королевских поместий. Аснапиум обычно идентифицируется как Аннапес на севере Франции. Все, что мы можем сказать о Треоле, это то, что оно должно была находиться в районе, где мог бы расти виноград, учитывая тот факт, что вино входит в число самых урожайных в поместье.. Перечислены различные виды зерновых (полба, пшеница, рожь, ячмень и овес). Названы бобовые культуры, такие как фасоль и горох, конопля для изготовления веревок и вино, производимое на виноградниках.

Указ Карла Великого о том, что должно выращиваться в садах его поместий, дает хороший стартовый список; он предписал выращивать 87 растений, включая розы и лилии, а также множество средиземноморских трав, которые он хотел видеть во Франции.

В список включены не только съедобные растения, но и растения, выращиваемые для других целей, такие как сукновальная ворсянка, который использовалась для расчесывания шерсти или пигменты, такие как марена красильная (*warentiam*). Некоторые растения до сих пор известны как декоративные, такие как лилия мадонна (*lilium*), ирис бородатый (*gladiolum*) и роза (*rosas*), но они также могли использоваться в практических целях: лилии и розы из-за их ароматных лепестков, а ирисы из-за их душистых подвоев. В то время было известно много фруктовых деревьев, в том числе различные виды яблок, названия которых также даны в просторечии. Кроме того, перечислены

следующие виды: груши, сливы, кисло-сладкая вишня, мушмула обыкновенная, сладкие каштаны, айва, ягоды рябины, грецкие орехи и фундук, персиковые и миндальные деревья, черная шелковица, лавр, инжир и сосновые шишки. Лавр, инжир и пинии растут в теплых регионах, и в тексте указано, что они должны быть посажены в солнечном, защищенном месте. Список практичен и не включает деревьев или кустарников, которые не пережили бы суровую зиму вдали от Средиземноморья, таких как гранаты, цитрусовые или финиковые пальмы. Пять германских названий сортов яблок и груш указывают на то, что на составление списка в определенной степени повлияла реальная практика. К местным сортам яблок и груш прилагается инструкция по их употреблению – сладкие ли они или вкуснее в приготовленном виде. Из списка поместья Аннаппес видно, что различные виды фасоли, гороха и даже орехов выращивались в больших масштабах в качестве основных продуктов питания. То же самое относится и к злакам. Кроме того, мы находим капусту, свеклу, репу, морковь, пастернак, листья салата и многие виды луковых овощей, среди которых лук, лук-порей, чеснок и лук-шалот. Также были представлены огурцы и дыни.

Травы были неотъемлемой частью сада раннего средневековья, как для приготовления пищи, так и в лечебных целях: анис, укроп, кориандр, пажитник, фенхель, а также обычный и черный тмин. Также не следует забывать об опийном маке, источнике опиума, семенами которого и сегодня безобидно пользуются в качестве ингредиента или посыпки для хлеба и выпечки. Многие травы из этого списка хорошо известны нам сегодня: петрушка, листья сельдерея, розмарин, шалфей, мята и любисток, хотя в прежние времена большинство из них, конечно, было доступно только летом. Некоторые растения выращивались бы не в садах, а в другом месте. Например, *sempervivum*, также известный как домовик обыкновенный. Это суккулент, устойчивое к засухе растение, которое до сих пор выращивают на крышах, полагая, что он обеспечивает защиту от молний.

Позже садоводы написали книги, в которых рассказывалось о том, как выращивать растения, как их использовать и даже как разбить из них сад. Французский классик XV века Le Menagier de Paris описывает самые полезные растения, которые его жена может выращивать в городском саду для своего дома.

В средневековых садах помимо овощей активно выращивались различные полезные травы, но чёткого разграничения между исключительно полезной в готовке и медицине зеленью и декоративными растениями не было.

Травы, выращенные для аромата и приправ, включали базилик, укроп, майоран, анис и чабер. Иссоп и пижма были горькими ароматизаторами, используемыми в маринадах, мясных пирогах и омлетах. Хрен придавал очень сильный аромат, а тимьян, кулинарная трава, также был символом мужества, который можно было использовать в букетах. Зеленый лук придавал сильный аромат, а также имел красивые фиолетовые цветы. Фиалки, ценимые за их сладкий запах, могли бы использоваться в салатах и десертах. Первоцветы и гвоздики также были съедобны и использовались для ароматизации. Анис и семена тмина использовались в качестве ароматизатора в простых конфетах с медом. Семена кориандра были еще одной пряностью, которую можно было выращивать дома и использовать для ароматизации вина и лечения лихорадки.

Корни ириса давали чернила, а сок цветка ириса мог либо удалять пятна с ткани, либо создавать синие краски. Пыльца крокуса была шафрановой, ярко-желтым пищевым красителем. Фиалки, розы и жаберные цветы использовались для ароматизации. Календулу, названную в честь Девы Марии, можно было замочить в горячей воде для питья, как и ромашку. Розы давали масло и розовый сахар (розы, сваренные в сахарной воде), но их плоды, шиповник, считались съедобными фруктами. Розовое масло помогало от головной боли. Не только декоративные цветы имели применение, но и полезные травы часто имели красивые цветы. Хотя сад при лазарете специализировался на самых полезных травах, в каждом саду в любое время года были выставлены яркие цветы, и в каждом саду были полезные травы.

Королевой цветов была роза, посвященная Деве Марии. Красные розы символизировали кровь Иисуса и других мучеников, в то время как белые розы символизировали чистоту Марии. Целые сады роз, посвященные Марии, назывались розариями. Молитвенные четки могли быть сделаны из спрессованных лепестков роз, и эти бусины были известны как четки. Хотя прямая связь между розами и бисером была утрачена после того, как коралловые четки стали более распространенными, они начинались как простой продукт цветочного сада. Лилии тоже почитали Марию и всегда были частью монастырского сада для украшения церкви по праздникам. Считалось, что белая лилия Мадонны помогает при укусе змеи и проказе.

Лаванда, еще один почти универсальный цветок, использовалась для ароматизации сушащейся одежды, посыпания полов и изготовления лечебного масла. Ромашка была почвопокровным растением, которое можно было использовать для успокаивающих чаев или для ароматизации одежды. Барвинок, еще один почвопокровный цветок, помогал при зубной боли. Из дикой земляники делали сок, помогающий при язвах в горле. Майоран использовался для улучшения сна и заживления ран. Корни девясила можно было варить и разминать в пюре, чтобы приготовить сладкий десерт, а также из них делали эффективное лекарство от коклюша и астмы (оно все еще используется в наше время). Пиретрум был многолетним растением с маленькими белыми цветками, которые можно было использовать как болеутоляющее. Нежные белые колокольчики ландыша, вымоченные в вине, служили средством от инсульта.

Розовые и белые цветы наперстянки на высоком стебле были прекрасны в саду. Из него также получалось очищающее рвотное средство (позже было обнаружено его лучшее применение для регулирования частоты сердечных сокращений). Зверобой, у которого красивые желтые цветы, можно использовать в мази из масла, вина и скипидара. Это помогало в заживлении серьезных ран и инфекций. Считалось, что цветы также отгоняют злых духов, и они были более сильными, если их собирать накануне Дня святого Иоанна в

середине лета. Пион был еще одним красочным цветком, семена которого могли ароматизировать пищу или помочь женщине во время родов. Считалось, что его корень помогает при параличе и эпилепсии. Масса желтых цветков чистотела дает лекарство, похожее на опиум.

Некоторые травы выращивались главным образом для их использования в качестве лекарств, но не давали эффектных цветов. Окопник использовался в качестве мази для ран, и было показано, что он содержит аллантоин, который способствует росту новых тканей под кожей. Иногда его называли костяной сеткой или вязаной костью. Листья фенхеля жевали, чтобы помочь при проблемах с пищеварением. Мята была не только хорошей приправой, но и помогала заживлять собачьи укусы. Тысячелистник помог остановить кровотечение, а рута была дезинфицирующим средством для чистки. Чай из *Mentha pulegium* (пеннирояла) помогал при простуде и тошноте; шалфей успокаивал нервы. Одной из самых больших проблем со здоровьем в Средние века были паразиты; люди использовали полынь и хмель, чтобы убить кишечных червей. Полынь, должно быть, использовалась осторожно, в небольших количествах, потому что она может вызывать галлюцинации. Наконец, аконит, известный как капюшон монаха или волчья отравка, был ядовитой травой, используемой в качестве обезболивающей мази.

Морозник черный цвел зимой, что считалось удачей; он был известен также как рождественская роза. Крестьяне считали, что он отгоняет злых духов, и часто выращивали его возле коттеджей; он также был слабительным средством, так как был слегка ядовит. У омелы, падуба и плюща были осенние ягоды, которые оставались на растении всю зиму. Их необычайно выносливая плодовитость наводила на мысль о сильной силе природной магии, а всплеск цвета делал их традиционными рождественскими украшениями. Считалось несчастливym срезать их в другое время.

Некоторые цветы были из лесных массивов и выращивались на лугах с дикими цветами. Одним из самых известных изображений средневековых полевых цветов является последний из гобеленов с единорогом. Гобелен

называется миллефлорским, или тысячецветник, потому что фон густо покрыт более чем 100 видами полевых цветов. Эти полевые цветы не были жестко отделены от садовых цветов, и они были включены в некоторые сады. Весной одними из первых зацветают первоцветы, нарциссы, фиалки и брусника. Иерусалимский коровяк также назывался медуницей и был посвящен Марии, символизируя ее слезы. Его широкие пятнистые листья выглядели как больные легкие, поэтому его использовали как лекарство от болезней легких. Обычные цветы коровяка можно было использовать для изготовления вина. Весной люди могли собирать цветы для букетов, чтобы отогнать дурной воздух от болезней, или для гирлянд на Первомай. В качестве букетов были популярны настенные цветы, фиалки, ландыши и розмарин, а также маргаритки, лаванда и петрушка. Маргаритки использовались для самого простого вида цветочной гирлянды - цепочки из ромашек.

Однако информация о биоразнообразии городских садов может быть извлечена не только лишь из трактатов о полезных травах и поваренных книг. Мощным источником выступает сама земля садов, до сих пор хранящая следы деятельности прошлых эпох. Для работы с этим материалом следует обратиться к археоботанике. Археоботаника – это область науки, которая обычно непосредственно связана с археологией посредством раскопок, и ее можно определить как часть экологической археологии. Всесторонний обзор развития археоботанических исследований дан Марике Ван дер Виин [Van der Veen M., 2018]. Исследовательский материал археоботанических исследований ископаемые остатки растений, например семена, получены из образцов почвы, которые обычно собираются при археологических раскопках, но образцы почвы также могут быть получены и изучены в геологических экологических науках о почве. Кроме того, например, анализ пыльцы может быть включен в археоботанические методы. Археоботаника исторических времен как самостоятельная область объединяет ботанику, археологию и историю, и она концентрируется на истории полезных растений и взаимодействиях между людьми и растениями в прошлом. Цель состоит в том, чтобы понять отношения

между людьми и окружающей средой, прошлой диетой, выращиванием и садоводством, экономикой и повседневной жизнью. Интерпретация растительных остатков связана с археологическими и историческими контекстами. В археоботанических исследованиях, касающихся садов и определения сада, огороды и другие небольшие, ограниченные садовые участки с заборами или другими границами могут быть более актуальными, чем большие ландшафтные сады, которые могут не иметь видимых границ, хотя большие элитные прогулочные сады также могут выиграть от археоботанических исследований.

Археоботанические исследования должны быть включены в исследования по истории сада, поскольку имеющихся письменных источников недостаточно. Хотя списки растений существуют, например, в ботанических садах, они не всегда являются полными и доступны только в некоторых садах. Важные знания о конкретных видах растений и садоводстве, особенно в самых древних местах, нуждаются в археоботанике. Археоботаника также является довольно важной частью садовой археологии, и в большинстве случаев садовые исследования не должны проводиться без нее, поскольку история садов определенно тесно связана с самими растениями. Исследования, объединяющие все области исследований, были бы ценны для создания всеобъемлющего представления о прошлых садах. Сады сложно изучать из-за их постоянных изменений. С остатками растений в почве можно уловить некоторые моменты в меняющихся садах, а с помощью хронологических снимков можно продемонстрировать более длительные фазы садов.

2.1. СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА

Гданьск развивался в устье реки Висла, близ Гданьского залива в Балтийском море. Область разделена небольшими реками, ответвлениями Вислы, которые в прошлом образовывали сложную гидрологическую сеть, ныне претерпевшую значительные изменения, а потому не до конца исследованную. Первые поселения здесь были обнаружены археологами в древнейших частях города, расположенных на песчаных аллювиальных веерах, лежащих в пределах обширных болотистых угодьях [Święta-Musznicka J., 2021, p. 364].

Согласно диаграмме пыльцы из Голембево, рост поселенческой активности и лесных беспорядков вокруг Гданьска начался в X веке [Latałowa M., 2016, p. 241]. Данные свидетельствуют о том, что, особенно на окраинах нагорья, потеря лесных массивов в то время была вызвана главным образом спросом на дубовую древесину, которая была основным строительным материалом для новых укреплений. В свою очередь, данные по пыльце из района, где развивался Гданьск, свидетельствуют о том, что в X веке там все еще была очень ограниченная человеческая деятельность. Результаты хорошо согласуются с археологическими и историческими данными.

Информация об использовании растений прошлыми обществами, независимо от того, основана ли она на археоботанических материалах или исторических источниках, никогда не бывает полной. Эта проблема подробно обсуждалась многими авторами [Green 1984; Greig 1996; Karg 2007], а также рассматривалась при интерпретации данных из Гданьска. В целом, археоботанические данные зависят от способности растительного материала к окаменению и от способа использования данного растения. Легче найти остатки широко используемых растений и тех, которые производят большое количество плодов / семян, в то время как вероятность регистрации редких таксонов или тех, которые производят мало спор, намного ниже [Hondelink M., 2020, p. 554]. В случае анализа пыльцы важными вопросами являются

производство пыльцы, ее распространение и возможность идентификации на уровне вида.

Кроме того, археоботаническая информация сильно зависит от археологических особенностей, из которых анализируются образцы. При анализе многих дикорастущих растений, особенно съедобных, требуется определённая осторожность в интерпретациях, ибо в то время они также могут произрастать в диком виде внутри и вокруг поселения. К ним относятся такие виды *Chenopodium album* (марь белая), *Urtica dioica* (крапива) и *Valeriana officinalis* (Валериана лекарственная). В свою очередь, исторические источники обычно ограничиваются продаваемыми растительными продуктами, списками продуктов, купленных для монастырей и дворов, или для случайных обедов для богатых людей [Karg S., 2007, p. 137–138].

Несмотря на эти оговорки, находки макрофоссилий растений, дополненные пыльцой и историческими данными, дают некоторые интересные намеки на использование растений, главным образом в качестве пищи, в Гданьске в XI–XIV веках. Данные за периоды, предшествующие XI веку, слишком скудны, чтобы их можно было использовать для каких-либо выводов. В целом, количество растений, используемых в Гданьске, постепенно увеличивалось с течением времени, с отчетливыми пиками в XII-м и XIV-м веках.

Это, должно быть, было вызвано появлением новых продуктов на местном рынке после развития порта и города в XII веке, что позволило расширить торговые контакты [Paner H., 1999, p. 389], а затем присоединением Гданьска к Ганзейскому союзу в XIV веке. Другим фактором, стимулирующим развитие сельского хозяйства, садоводства и внедрение новых растительных продуктов, стало местное учреждение цистерцианского и Доминиканского монашеских орденов в XII и XIII веках соответственно, а затем основание командорства тевтонских рыцарей в XIV веке [Mozejko B., 2019, p. 96].

Основной растительной пищей в средневековом Гданьске, должно быть, были злаки. Самые ранние случайные находки *Panicum miliaceum* (просо

обыкновенное), *Secale cereale* (рожь), *Triticum aestivum* (пшеница мягкая) и *Hordeum vulgare* (ячмень обыкновенный) были зафиксированы в образцах, датированных переходным периодом X–XI веков. *Avena sativa* (овёс посевной) была зафиксирована в двух местах в слоях, датируемых XII веком.

Это, по-видимому, согласуется с другими результатами из северо-западной Польши, предполагающими, что просо было основной культурой в регионе в период раннего средневековья [Badura M., 2018, p. 104]. В XIII веке началось постепенное развитие зернохранилищ, и к концу XIV века там уже существовало 120–130 зернохранилищ [Paner H., 1999, p. 400].

Овощи, как правило, крайне недопредставлены в археоботанических материалах, поскольку их в основном употребляют в пищу в виде луковиц, листьев или побегов, которые имеют низкий потенциал превращения в окаменелости [Greig J., 1996]. Это справедливо и для Гданьска, где находки этой группы растений довольно редки. Наши данные показывают, что *Cucumis sativus* (огурец) употреблялся в пищу в XI–XII веках людьми, а *Allium* сера (лук) использовался тевтонскими монахами в XIV веке [Mozejko B., 2019, p. 97]. Неясно, представляют ли немногочисленные остатки других растений этой группы растения, используемые в качестве овощей, или дикорастущие растения, которые были бы распространены на лугах и на залежных землях, такие как *Daucus carota* (морковь).

Растения, используемые в качестве трав и специй, вероятно, собирались в дикой природе, а также выращивались в местных садах, но импорт экзотических продуктов в этот период исследования был ограничен. Согласно нашим данным, *Origanum vulgare* (душица обыкновенная) и *Coriandrum sativum* (кориандр посевной), безусловно, использовались в XI веке, затем *Brassica nigra* (горчица чёрная) и *Carum carvi* (тмин) появились в культурных слоях переходного периода XI–XII веков и XII века. Количество и частота таких останков увеличились в более поздних археоботанических материалах, в которых *Betonica officinalis* (буквица лекарственная) и *Juniperus communis* (можжевельник) появились в XII веке, *Verbena officinalis* (вербена

лекарственная) в XII–XIII веках, *Levisticum officinale* (любисток аптечный) в XIII веке и *Arium graveolens* (сельдерей) и *Petroselinum crispum* (петрушка) в XIV веке. Все они использовались в различных пищевых продуктах из-за их вкуса, а также сохраняющих и целебных свойств, и считалось, что они обладают различными терапевтическими свойствами, так, например, кориандр использовался для облегчения расстройства желудка и против кишечных паразитов и горчица как ароматизатор и лекарство [Grieve M., 1971] регулярно фигурировала в инвентарных книгах Тевтонского ордена [Mozejko B., 2019, p. 97]. Более состоятельные люди имели доступ к более экзотическим специям, следы которых, однако, как правило, редко встречаются в археоботанических образцах. Доказательства чаще всего приводятся в исторических источниках. Использование *Crocus sativus* (шафрана) и *Piper nigrum* (чёрного перца) в XIV веке подтверждается записями в тевтонских инвентарных книгах и в бухгалтерской книге Главной городской казны. Измельченные в порошок рыльца цветков шафрана считались ценным дополнением к пище, а также афродизиак [Toussaint-Samat M., 1993, p. 219].

В культурных слоях средневекового Гданьска сохранилось значительное количество остатков фруктов и орехов. Некоторые из фруктовых деревьев могли быть выращены в местных садах и огородах. Многочисленные плодовые косточки *Prunus* (сливы), в том числе *P. domestica* и *P. domestica* ssp. *insititia*, были обнаружены в образцах XI и XII веков, в то время как другие участки показали присутствие *Malus* sp. (яблоко), *Pyrus* sp. (груша) и *Cerasus vulgaris* (вишня). *Ribes rubrum* (смородина) появился в XIV веке. Остатки *Vitis vinifera* (виноград) и *Ficus carica* (фига) были обнаружены в местах, датируемых XII веком, а *Persica vulgaris* (персик) - переходным периодом XII–XIII веков. Трудно определить, являются ли виноградные косточки остатками импортного изюма или, возможно, местного винограда, используемого для производства вина, необходимого церкви. Исторические источники сообщают нам, что цистерцианцы, поселившиеся в Оливе (ныне часть Гданьска) в 1178 году н. э., были обязаны выращивать виноградные лозы, а затем в XIII–XIV веках в

регионе было создано несколько виноградников, в основном благодаря деятельности Тевтонского ордена.

Относительно теплый климат в Балтийском регионе в этот период сделал возможным виноградарство [Niedzwiedz T., 2015, P. 56–57]. Фига попала в Гданьск благодаря развитию торговли на большие расстояния, и впоследствии предложение на местном рынке выросло [Badura M., 2018, p. 108]. Инжир не только употребляли в пищу как деликатес, но и использовали для приготовления лечебного сиропа с многочисленными применениями. Фрукты и орехи также были собраны в дикой природе. Остатки *Vaccinium myrtillus* (черника), *Fragaria vesca* (земляника) и *Rubus idaeus* (малина) были найдены в культурных слоях, датируемых переходным периодом XI–XII веков и XII веком, а также в жилых помещениях XI века.

Гданьск имеет давнюю традицию пивоварения и употребления пива. Исторические документы начала XV века упоминают там 378 пивоваров [Święta-Musznicka J., 2021, p. 375], что указывает на уже давние традиции местного ремесла. Плоды *Humulus lupulus* (хмель обыкновенный) регулярно и в изобилии встречались в археоботаническом материале. Самые старые образцы, относящиеся к переходному периоду X–XI веков, возможно, произошли от диких свиней, росших в лесах на пойме реки Висла, где они, должно быть, были обычным явлением. Однако не исключено, что хмель уже культивировался в то время. Выращивание хмеля было широко распространено в более поздние периоды, и они были важным предметом торговли, о чем свидетельствуют документы об острове Грэнэри, в которых упоминается работа сортировщика хмеля в XIV веке. Значительное количество хмеля, солода и пива занесено в инвентарные книги Тевтонского замка XIV века [Mozejko B., 2019, p. 99].

Шесть таксонов масличных культур входят в число полезных растений, перечисленных для средневекового Гданьска. Семена *Linum usitatissimum* (лён) и *Cannabis sativa* (конопля), безусловно, использовались в пищу и в различных лечебных целях, но и те, и другие выращивались главным образом из-за их

волокна. Многочисленные остатки фрагментов стеблей и волокон, найденные вместе с текстильными инструментами в культурных слоях XII–XIII веков, указывают на местное развитие текстильного и веревочного производства [Święta-Musznicka J., 2021, p. 374]. Большое количество семян *Iris pseudacorus* (ирис) XII века, растения, используемого для изготовления красителей, также может быть признаком текстильного производства. Существуют также исторические свидетельства XIV-го века о развитии таких ремесел и расположении мастерских в Гданьске. Семена *Papaver somniferum*, (мак снотворный) датируемые XI–XIV веками, были источником масла, но также использовались для “макового супа”, а также в качестве специи и лекарства [Zemanek B., 2009, p. 218]. Несколько образцов XII века с содержали семена *Cornus sanguinea* (дерён), которые известны как источник масла, используемого для освещения и медицинских целей.

Говоря о Финляндии, стоит учесть, что история сада изучалась в Финляндии в основном с помощью исторических ссылок в области истории, истории искусств, ландшафтной архитектуры, ботаники, и в некоторой степени непосредственно в садоводстве [Alanko T., 2017, p. 8–9]. Обширные разрезы финских садов и их растений во времени были составлены в соответствии с интерпретациями письменных источников и нарисованными картами и планами [Lempäinen-Avci M., 2018, p. 129].; например, были изучены письма владельцев и пользователей садов, бухгалтерские книги и хорошо документированные процессы проектирования садов. Схемы озеленения также свидетельствуют о существовании садов в прошлом, хотя они не обязательно реализовывались так, как планировалось. Были опубликованы подробные описания конкретных мест, например парков и садов в поместье Лоухисаари на юго-западе Финляндии, в поместье Фагервик в Уусимаа на юге Финляндии и в поместье Монрепо в Выборге, в бывшей восточной Финляндии, но теперь принадлежащем России.

Несмотря на то, что археоботанические исследования в Финляндии не нацелены конкретно на историю финских садов, они выявили макрокаменелые

остатки садовых растений из районов старого города, что указывает на выращивание садовых видов в городах. Например, редкой находкой является *Daucus carota* (морковь), она получена из средневековых слоев Турку (старая столица Финляндии); *Pastinaca sativa* (пастернак) была найдена в изобилии в средневековом епископском замке в Куусисто, недалеко от Турку [Alanko T., 2017, p. 10], как *D. carota*, так и *P. sativa* также присутствовали в слоях раннего современного периода в центре Хельсинки, остатки *Anethum graveolens* (укроп) и *Carum carvi* (тмин) были найдены в замке Турку XV века, недалеко от Старого города Хельсинки XVI века, также были найдены *Levisticum officinale* (любисток) и *Petroselinum crispum* (петрушка) в предместьях в старом городе Турку. Тем не менее, большая садовая среда не была широко изучена в Финляндии археологически. Следовательно, садовые сооружения не были обнаружены или не были проведены анализы почвы, которые включали бы анализ макрофоссилий или другие естественно-научные анализы садовых почв.

Средневековый монастырь Биргиттин в Наантали (по-шведски Надандхал) на юго-западе Финляндии имел относительно короткий период деятельности, но он по-прежнему играл важную роль в истории финских и шведских монастырей, а также позднесредневекового финского общества. Католический монастырь как для монахинь, так и для монахов был построен с разрешения и под наблюдением монастыря матери Вадстена (в Швеции) с 1443 года в период теплого климата и культурного расцвета юго-западной Финляндии. Наантали и Вадстена были монастырями, принадлежавшими ордену Биргиттинцев, слывшие довольно закрытыми общинами, в то время как монахи Доминиканского и Францисканского орденов в Финляндии имели монастыри, более открытые для общества. В монастырях, возможно, были больницы для сторонних путников и переселенцев. В 1554 году, в период Реформации, монастырская церковь Наантали была обращена в лютеранскую, но монахини и монахи продолжали монастырскую жизнь на пособие. Последняя настоятельница умерла в 1577 году, а последняя монахиня - в 1591 году, и тогда католическая жизнь в монастыре окончательно закончилась. В

монастыре, скорее всего, был сад, где выращивались лекарственные и другие полезные растения; предположение подкрепляется существованием больницы и бюргерской усадьбы, дома престарелых, рядом с монастырем, упоминаемых в письменных источниках уже в 1446 году. Другой основой для монастырского сада является часть старой рукописи "Травяной сад монастыря Наантали", которая, вероятно, была написана в Вадстене в конце XIV века [Alanko T., 2017, p. 12].

Из 32 образцов почвы, полученных из монастырской церкви Наантали, был обнаружен 4561 растительный остаток, включающий 94 различных таксона растений. Наиболее доминирующим видом была *Fragaria vesca* (лесная земляника) с 2416 семенами, 2266 из которых обуглились. Другими таксонами из Наантали были, например, *Juniperus communis* (можжевельник; 216 остатков), *Empetrum nigrum* (воронник; 191 семя), *Sorbus aucuparia* (рябина; 68 семян), *Cerealia* (злаки; 32 зерна), включая *Avena sativa* (овес), *Hordeum vulgare* (ячмень) и *Secale cereale* (рожь), а также виды *Vaccinium* (ягодник) (50 семян).

Даты из Наантали были получены из трех районов раскопок, две даты из разных слоев одного и того же района. Даты из Наантали варьировались от 1255–1390 гг. н. э. до 1520–1805 гг. н.э.

Ферма Кумпула была основана в конце XIV века; первое письменное упоминание о деревне Кумпула датируется 1460 годом. Владелец домена Кумпулан был облагорожен в 1481 году, и поместье было официально основано. Деревня Кумпула и усадьба располагались в окрестностях Старого города Хельсинки, который был основан в 1550 году в устье реки Вантаанйоки шведским королем Густавом Вазой. Семьи владельцев поместья менялись на протяжении веков. Это может быть одной из причин, по которой, согласно письменным источникам, надлежащий, засаженный парк и декоративный сад усадьбы появились только лишь в XIX веке. В 1893 году город Хельсинки купил поместье и начал сдавать его в аренду. В настоящее время усадьба расположена в ботаническом саду Кумпула, который был основан в этом районе в 1987 году и открыт для публики в 2009 году, что задавало тенденцию

изучения приусадебных участков на юге Финляндии [Haggren G., 2018, p. 72–73].

Из 38 образцов почвы, полученных в саду поместья Кумпулан, было обнаружено 2036 окаменелостей растений. Они включали 63 различных таксона. Наиболее многочисленным видом был *Chenopodium album* (белая марь; 1233), найденный в 34 различных образцах. Кроме того, относительно обильно были обнаружены семена *Rubus idaeus* (малина; 99 семян), *Sambucus racemosa* (бузина с красными ягодами; 60 семян) и *Chelidonium majus* (чистотел большой; 28 семян).

Из девяти радиоуглеродных датировок AMS из поместья Кумпулан пять из обугленного дерева дали результаты, варьирующиеся от 1120–920 гг. до н.э. до 1680–1930 гг. н.э., из которых самая молодая дата была интерпретирована как выброс, а из других более старые даты получены из более глубоких образцов в ямы. Даты, которые были измерены по обугленным зернам злака *Secale* и необожженным семенам *Chenopodium album*, варьировались от 1450–1640 гг. н. э. до 1640–1930 гг. н. э. [Alanko T., 2017, p. 23]. Таким образом, обугленная древесина давала гораздо более древние результаты, чем зерна и семена.

Если немного обобщить, то на участках более ранних фаз, начиная с XV века, Наантали и Кумпулан, анализ макрофоссилий выявил преобладающие культурные виды растений и старые полезные растения, обычно встречающиеся в финском материале макрофоссилий, такие как *Chelidonium greater*, *Fragaria vesca*, *Rubus idaeus* (малина), *Hordeum vulgare* (ячмень) и *Secale cereale* (рожь).

2.2. ЮЖНАЯ ЕВРОПА

Город Лерида находится в западной Каталонии, в центре западной Каталонии, в зоне со своими собственными физико-географическими, историческими и археологическими особенностями. Эта равнина, рассеченная реками Сегре и Синка и их притоками, является восточной оконечностью великой равнины среднего Эбро. Климат средиземноморско-континентальный и очень сухой. Почвы здесь известковые и часто засоленные или гипсовые. Ландшафт в основном состоит из маков, кермесовых дубов и терновник [Martinez N.A., 2005, p. 342].

Расположение города Лерида, раскинувшегося на берегах Сегре, содержит несколько элементов, которые дополняют друг друга в функциональном ландшафте. Это основное русло реки, сузившееся из-за отказа от второстепенного ответвления, которое облегчило переправу, несколько ступенчатых террас, увенчаных скалистым отрогом (Туро-де-ла-Сеу), который возвышается над рекой и контролирует переправу, и значительная часть равнины с ее низменными, легко орошаемыми землями (Отрог Соле Сабарис (Туро-де-ла-Сеу), возвышающийся над рекой и контролирующей переправу и значительную часть равнины с ее низменными, легко орошаемыми землями [Riera E.M., 1968, p. 7].

Город датируется средним иберийским периодом, ближе к концу V или в течение IV века до н. э. Его иберийское название было Ильтирта. Это был *civitas* самой многочисленной этнической группы, и он контролировал обширную территорию. Хотя протоистория этой территории и западной Каталонской равнины хорошо известна, было найдено мало археологических данных об этом первом периоде существования города. Первое неопровержимое доказательство его существования относится к поздним десятилетиям III века до н. э., когда первые монеты с названием Ильтирты были отчеканены иберийскими иероглифами, что, несомненно, подтверждает его статус города [Martinez N.A., 2005, p. 343].

Анализ образцов пяти мест дали результаты, соответствующие исламскому периоду. Исследователями было идентифицировано сорок два таксона. Образцы исламского периода в основном характеризовались наличием ям для хранения, которые впоследствии использовались в качестве выгребных ям. Эта интерпретация, во-первых, основана на археологических свидетельствах, поскольку дно ям было покрыто высокоорганическим зеленоватым осадком без каких-либо сопутствующих археологических материалов, таких как керамика или кости. Это было подтверждено большим количеством минерализованных останков в придонных слоях, смешанных с обугленными археоботаническими и минерализованными энтомологическими останками. Также для сравнения были проанализированы материалы с других уровней или начинки, отражающие различные типы использования.

В выгребных ямах фрукты, которые едят свежими, такие как инжир, яблоко/груша или виноград, обычно представлены в большом количестве. Они превратились в ямы с человеческими экскрементами. Это известно из любых аналогичных исследований в других частях Европы [Greig 1981; Green 1982]. Также не сохранилось крупных фруктовых косточек, таких как персики или оливки, хотя они были найдены на более ранних стадиях.

Однако наполнители выгребных ям часто содержат не только экскременты. В большинстве случаев также присутствуют остатки насекомых. Наличие обугленных останков отражает утилизацию остатков домашних пожаров; поэтому неудивительно, что злаки и синантропные растения были в основном в обугленном состоянии. Кроме того, там были кости и другие предметы домашнего мусора.

Хотя количество извлеченных остатков злаков было незначительным по сравнению с количеством остатков с фруктовых деревьев (0,02% остатков против 99,95%), их частота, особенно в случае очищенного от шелухи ячменя (частота 73,3%) и голой пшеницы (частота 60%), четко указывает на них как основные выращиваемые виды. Оба вида *triticum aestivum* и *triticum durum* (мягкая и твёрдая пшеница) были также идентифицированы при

археоботаническом исследовании Тоссаль-де-Солибернат (Торрес-де-Сегре, Лерида), также на равнине Лерида, хронология которого датируется концом XI / началом XII века, причем *Hordeum vulgare* (ячмень обыкновенный) оказался здесь самым многочисленным видом [Martinez N.A., 2005, p. 347].

Кроме того, были идентифицированы *Setaria italica* (просо итальянское) с частотой 13,3%). Оба они также хорошо известны в доисторический период, но здесь они являются очень второстепенным компонентом. Действительно, по словам историка Л. Боленса, злаки вместе с оливками были самыми важными культурами в Аль-Андалусе (Исламская Иберия) и составляли основу рациона. Хлеб насущный пекли в основном из голых злаков, наиболее высоко ценимой была обычная пшеница (*T. aestivum*). Другие злаки, такие как ячмень, овес или просо, считались низшими [Treasure E.R., 2020, p. 72].

Что касается зернобобовых культур, то отмечалось присутствие чечевицы. Находки с места раскопок близ Тоссаль-де-Солибернат, датируемые XI–XII веками н. э., показывают, что здесь был распространён *Vicia ervilia* (горошек). Бобовые культуры ценились в Аль-Андалусе, и преимущества использования, например чечевицы, фасоли или люпина в севообороте были хорошо известны.

Однако, что действительно интересно на этой фазе, так это чрезмерная представленность *Ficus carica* (инжир) (92,9% особей, частота 73,3%), что, очевидно, является результатом большого количества семян, содержащихся в его сиконии. Из-за их небольшого размера эти семена неизбежно потребляются и проходят через пищеварительный тракт в целостности и сохранности. Фактически, инжир является одним из почти вездесущих таксонов во всех археологических отложениях из выгребных ям или канализационных коллекторов, даже в несредиземноморских районах Европы, где он был экзотическим фруктом [Willcox 1977; Green 1979; Greig 1981]. Однако его высокая частота в Лериде подтверждает его важность.

Фига была обычным деревом в садах Аль-Андалуса, и ее плоды не только употребляли в пищу в свежем виде, но и сушили. Во времена голода из него,

после мацерации или варки в пресной воде, даже делали хлеб [Treasure E.R., 2020, p. 71–72].

Количество винограда, считая около 4 семян на плод (не более), составило бы 6357. Виноград также является одним из наиболее распространенных остатков в исследованиях выгребных ям в городских зонах, что свидетельствует о его потреблении в качестве фрукта [Willcox 1977; Green 1979; Greig 1981].

В андалузских текстах также упоминается важность винограда как свежего или сушеного фрукта (изюма). Аналогичным образом, высокий уровень виноградарства в Аль-Андалусе был бы необъясним без учета других многочисленных видов использования винограда. Они включали использование зеленых фруктов, уксусов для консервирования и приготовления пищи, фруктовых слабоферментированных вин, сорбетов, джемов и конфитюров, а также использование лечебных сортов. На самом деле, ни запреты в Коране, ни периодическое возрождение более ортодоксальных религиозных тенденций не привели к какому-либо ослаблению виноградарства [Bolens L., 1993, p. 431]. Как и в случае с инжиром, виноград также можно было использовать для приготовления хлеба во время голода. В частности, его семена, отделенные в больших количествах, превращались в муку и придавали хлебу высокую питательную ценность [Treasure E.R., 2020, p. 83]. Виноградные лозы выращивались как на виноградниках, так и в садах.

Яблони и груши были одними из самых распространенных деревьев в садах Аль-Андалуса, наряду со сливами, абрикосами и гранатами. Также было обнаружено обугленное зернышко граната *Punica granatum*.

Последняя группа выращиваемых растений включает маслодобывающие и текстильные заводы. Были найдены останки *Linum usitatissimum* (лён) и *Camelina sativa* (рыжик посевной), причем последний с большим количеством останков, возможно, является сорняком на полях льна.

Лен вместе с коноплей, вероятно, был основным источником масла и волокон в Старом Свете со времен Римской империи и, как известно,

выращивался на западной Каталонской равнине с середины II-го тысячелетия до н. э. [Martinez N.A., 2005, p. 349]. Лён, выращенный на Пиренейском полуострове, в целом был озимым льном, который легко приспосабливается к любому типу почвы, с сортами для волокон (текстиль) и семян (масличные). Однако тот факт, что был использован один вид льна, не исключает использования остальных в качестве вторичного урожая. В Аль-Андалусе было выращено так много сортов льна, которые упоминаются в литературе, что во многих случаях их невозможно идентифицировать [Treasure E.R., 2020. p. 94].

Статус *Camelina*, золотого удовольствия, не совсем ясен. Это было одно из характерных придаточных растений на полях, где выращивали лен. Но он также был известен как культура доисторических времен и до недавнего времени как масличное семя и для текстиля. Его отсутствие в археоботаническом реестре на Пиренейском полуострове печально известно несмотря на то, что это растение довольно важно в других районах Европы. Единственная известная до сих пор находка относится к IV веку до н. э., на месте Илла д'эн Рейшак. Кстати, как *Linum usitatissimum*, так и *Camelina sativa* распространены в контексте выгребных ям или ям в городских районах [Greig J., 1981, p. 266–267]

В городских условиях выгребные ямы могут предоставить много данных о пищевых привычках различных социальных групп [Greig, 1981; Green, 1982] Однако в Лериде это было невозможно наблюдать, поскольку отобранные ямы находились очень близко друг к другу. Таким образом, затруднительно сравнить их с другими районами или с дворцом Судана, где такого рода отложения не появлялись.

Растения, которые могли использоваться в качестве специй и приправ (главным образом в исламский период), в основном сохранились в минерализованном состоянии, например, *Apium graveolens* (сельдерей), *Nigella* sp. (чернушка посевная) и *Foeniculum vulgare* (фенхель обыкновенный). Состояние сохранности подтверждает предположение о том, что эти растения использовались на кухне и, следовательно, употреблялись в пищу людьми.

Более того, некоторые из них могли быть выращены в садах. Однако, учитывая небольшое количество найденных останков и тот факт, что они также могли быть дикорастущими. В случае сельдерея следует иметь в виду, что дикий сорт очень горький и имеет неприятный запах, поэтому его практически невозможно использовать на кухне. Кроме того, сельдерей, фенхель и дамасская чернушка (*Nigella damascena*) часто встречаются в контекстах, связанных с выгребными ямами или канализационными коллекторами [Willcox, 1977; Greig 1981].

Несмотря на этот сравнительно богатый археоботанический спектр из исламской Средней Лериды, он невелик, если мы сравним его с другими районами Аль-Андалуса и исламского мира, известными, например, из письменных источников. В это время происходила настоящая “сельскохозяйственная революция” с внедрением большого количества новых культур и новых методов ведения сельского хозяйства [Treasure E.R., 2020, Watson A.M., 1995]. Поэтому наблюдаемые изменения в спектре сельского хозяйства и потребления растений могли, с одной стороны, создать новую модель питания, которая соответствовало бы городскому обществу. С другой стороны, это также может означать начало эксплуатации того, что позже станет “орта (рыночный сад) Лериды”, и это, несомненно, соответствует самым ранним гидротехническим сооружениям для орошения, хотя и только для небольших рыночных садов. Сельскохозяйственные культуры, такие как оливки или виноградные лозы, выращивались в других, более подходящих частях территории, которые также были ближе к городу.

На равнине Лериды исторические данные исламского периода не помогают установить типы производства и ферм, поскольку точные письменные данные доступны только с христианского периода сразу после завоевания. Более того, хотя некоторые аспекты практики исламского периода могли быть сохранены, в христианский период экономические директивы были бы существенно иными. В любом случае, известно о существовании двух моделей производства: одна основана на орошении, благодаря развитию сети

каналов в районах вблизи Сегре, а другая - на более сухих землях, где было больше животноводческих ферм.

Таким образом, злаки по-прежнему оставались основными пищевыми растениями для городского общества Илерды и Лериды, но появился также ряд фруктовых деревьев, которые отличали вкусы этого населения от более раннего иберийского населения и, возможно, также от современного сельского мира, хотя для подтверждения этого требуется больше информации.

Археоботанические коллекции XI–XIV веков н. э., собранные в Сантьяго–де-Компостела, Падроне и Понтеведра, дают представление о коммерческом культивировании в средние века на северо-западной территории Пиренейского полуострова, в Галисии. Изученные образцы взяты из различных городских сред: рва, проходящего вдоль внешней стороны крепостной стены (Банк Испании, Сантьяго-де-Компостела); сельскохозяйственного предприятия в городском пригороде (О-Бордель, Падрон); и гавани (Понте-ду-Бурго и Арсебиспо-Мальвар, Понтеведра). Объединенный набор данных включает более 2 миллионов макрообъектов, относящихся к 19 таксонам хозяйственных растений и 37 дикорастущим таксонам [Teira-Brion A., 2022, p. 2].

Большинство образцов сохранилось в результате заболачивания, хотя на месте также присутствовали некоторые обугленные растительные остатки.

Извлеченные семена и фрукты оказались на этих складах в результате транспортировки сельскохозяйственной продукции, которая доставлялась в города по разным причинам, например, в качестве продуктов питания или рыночных товаров для перераспределения. Эти факторы привели к выявлению товарных культур, связанных, по мнению автора, с переработкой зерновых, фруктовых деревьев, обычно выращиваемых в садах на семейных фермах, и нескольких таксонов растений, обычно связанных с садовыми участками.

Среди этих образцов отобранных на трех участках вышеуказанных городов были идентифицированы плоды древесных и кустарниковых пород. Это товарные культуры с наибольшим разнообразием, которые включают такие плоды, как *Vitis vinifera* (виноград), *Prunus avium* (вишня), *Castanea sativa*

(каштан), *Juglans regia* (грецкий орех), *Ficus carica* (инжир), *Malus domestica* (яблоко), *Prunus domestica* (слива), *Prunus persica* (персик) и *Mespilus germanica* (мушмула). Частота употребления различных фруктов указывает на то, насколько широко было распространено их потребление или производные от них. На археологических раскопках Понтеведры были найдены фрагменты листьев и побегов виноградной лозы вместе с семенами витиса, что, возможно, указывает на местное выращивание виноградной лозы в пределах города или в окрестностях него.

Несмотря на небольшое количество, остатки таких видов, как *Brassica gara* (репа) и *Cucumis melo* (дыня), отражают тот факт, что сельское хозяйство практиковалось в районах интенсивного возделывания, что подразумевает организованные сады. Поскольку дыня была найдена во всех трех городах, можно говорить о том, что это был широко распространенный вид. Также важным является обнаружение исключительной коллекции из 1799 семян репы из одного месторождения во время раскопок в Понте-ду-Бурго (Понтеведра), благодаря хорошей сохранности их семенных оболочек, из которых сохранилась только одна семядоля.

На самом деле, наличие небольших огородов и животных характерно для городской среды обитания средневековой Галисии. Монументальная архитектура и жилища, некоторые, из которых были ненадежными сооружениями, делили пространство с частными сельскохозяйственными угодьями или теми, которые принадлежали церковным учреждениям. Многие полномочия в области городского планирования были возложены на городские советы, как и ответственность за водоснабжение и распределение. Однако не всегда этот процесс проходил в рамках закона. Так в постановлениях городских советов мы видим, как некоторые горожане использовали различные уловки для орошения собственных посевов. Например, в Сантьяго-де-Компостела было категорически запрещено отводить воду из труб, которые питали фонтаны, но которые некоторые люди в конечном итоге использовали в своих домах и садах [Teira-Brion A., 2022, p. 3].

Указание на изменения в сельском хозяйстве по всему аль-Андалусу также содержится в более ранней географической работе аль-Рази, написанной в X веке [Treasure E.R., 2020, p. 25]. В частности, аль-Рази приводит множество упоминаний о различных районах аль-Андалуса, особенно о городах, отмечая обилие зерновых полей, орошаемых huertas и vegas (пригородные посевные площади), раточая похвалы качеству многих различных видов сельскохозяйственной продукции; фрукты являются особым источником восхищения. Например, приводятся ссылки на выращивание "всех видов фруктовых деревьев" в Кордове, в то время как Малага изобилует виноградными лозами и фруктовыми деревьями, Валенсия известна качеством своего шафрана, а Сарагоса известна высоким качеством своей почвы и обильными орошаемыми площадями с фруктовыми деревьями. Более поздние географические труды аль-Зухри (XI век), аль-Идриси (XII век) и аль-Химьяри (XIV век) [Там же] отражают сходные взгляды; создается впечатление, что аль-Андалус изобиловал орошаемыми районами с богатой и разнообразной сельскохозяйственной продукцией.

2.3. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Ценный материал был получен в ходе раскопок, затронувших два средневековых колодца, в чешском городе Писек на Бакаларской площади в 2008 году. Первые письменные упоминания о Писеке относятся к 1243 году, в период правления короля Вацлава I. Город был основан в малонаселенной местности в связи с добычей золота на реке Отава. Городская территория включала в себя как укрепленное ядро города, так и пригороды, куда входили сельскохозяйственные угодья, обрабатываемые непосредственно в городе, а также сады и виноградники. Влияние нескольких городов распространилось на близлежащие деревни [Hoffmann R., 1992]. Городское развитие было связано с отношениями и контактами между городским сообществом и его региональным и контекстом. Сельскохозяйственная окраина городов принесла пользу как городам, так и деревням и в то же время углубила отношения между ними. В результате этих контактов различное сырье и продукты были доставлены в города, а их остатки впоследствии были сданы на хранение в качестве отходов.

Среди прочего была выявлена характерная группа собранных фруктов среди других полезных видов. Выращенные фрукты и орехи встречались реже. Доминирующей была *Fragaria vesca*, *Fragaria* sp. (клубника), а также часто отмечались *Rubus idaeus* (малина) и (*Rubus fruticosus* (ежевика). *Prunus spinosa* (терновник) и *Corylus avellana* (лещина) встречались редко. *Ficus carica* (инжир) часто документировался как импортный фрукт, а выращенные фрукты были представлены *Malus/Pyrus* (яблоками и грушами) и *Vitis vinifera* (виноград). Потенциальными специями мог бы быть *Humulus lupulus* (хмель), который был доминирующим полезным растением в первом колодце. Что касается второго колодца *Cannabis sativa* (конопля) была редкостью. В общем, 97,4% макроэлементов были сохранены и заболочены. Другие полезные виды образовали 18,1% задокументированных макроэлементов на дне скважины. *Humulus lupulus* (хмель) был доминирующим потенциально полезным растением. *Ficus carica* (инжир) встречался чаще, чем в первом образце. Клубника (*Fragaria vesca*), малина (*Rubus idaeus*), ежевика (*Rubus fruticosus*),

терновник (*Prunus* sp.), лещина (*Corylus avellana*) и боярышник (*Crateagus* sp.) встречались редко. Выращенные фрукты были представлены яблоками и грушами (*Malus/Pyrus*) и виноградной лозой (*Vitis vinifera*), как и в первом образце. До 92,5% макроэлементов были сохранены и заболочены [Salkova T., 2015, p. 73].

Что касается немецких земель историки отмечают рост огородничества и садоводства в период XIV–XV веков. Так В. Абель в своей «Истории сельского хозяйства в Германии от раннего средневековья до XIX века» отмечает, что как никогда прежде огромные площади занимали особые культуры, среди которых стручковые растения, капуста, свекла, лён, конопля, хмель, виноград, яблоки и различные растения, содержащие красящие вещества [Demade J., 2007, p. 182]. Это явление он связывал с сокращением населения в период распространения бубонной чумы и последующих эпидемий, которые приводили к запустению территории и освобождению их для ведения сельскохозяйственных работ.

Главными огородными культурами в то время были лук, чеснок, капуста, свекла, морковь, мак, хмель. Огородная фасоль в середине XV века только начинала отвоёвывать себе место, и лишь в районе Мозеля. В то же время полевая фасоль выращивалась в большем количестве, что даже приводило исследователей к мысли именовать фасоль средневековым картофелем. Из фруктов выращивались главным образом виноград, яблоки, орехи, вишня, груши, сливы, а из цветов – розы, лилии, нарциссы. Из этого перечисления следует, что кроме капусты и лука, среди них почти не было таких, которые могли бы успешно выращиваться в северных районах Германии.

На севере Германии, где садоводство из-за климатических условий не могло так бурно развиваться, особенно усердно выращивали хмель. Хмелеводческие хозяйства по размерам и целям слабо отличались хозяйства садоводов и огородов. Главным стимулом для развития хмелеводства являлось пивоварение. Для многих бюргеров немецких земель, находившихся за пределами распространения винограда, пивоварение и торговля пивом были источником существования и накопления богатств. Центрами пивоварения в

XIV–XVI веках были города Тюрингии, Гессена, Саксонии, Вестфалии и северные прибрежные города. Город Любек уже с конца XIII века, сдавая земли в аренду бюргерам, требовал от них, чтобы они частично использовали их под хмельники. В окрестностях Киля имелось в 1430 году не менее 40 хозяйств, которые занимались производством хмеля на рынок. А город Брауншвейг был вынужден с середины XIV века ограничивать площади, засеваемые хмелем. Бюргерам, имевшим земли, разрешалось засадить хмелем не более одной трети от участка. Хмель, таким образом, становился одним из столпов богатства бюргеров, что делало хмельники одной из приоритетных целей в войнах.

Таким образом, на базе исторических источников можно выделить три типа сада характерных для средневековой Европы: *hortus* или овощной сад, *herbarius* или сад для трав и *viridarium* или фруктовый сад. При этом следует учесть, что сады для трав и овощей могли быть совмещены на одной территории и в целом были менее затратны в своём содержании и требовали меньших площадей, но одновременно менее престижны, чем сады включающие в себя фруктовые деревья.

Биоразнообразие садов чётко отражено уже в раннесредневековых текстах, посвящённых садоводству. Специфика распространения знания состояла в том, его распространение шло на латыни, основными носителями латинской грамотности являлись служители церкви. Однако несмотря на это для садоводства периода раннего средневековья характерна высокая степень утилитарности. Садоводы удовлетворяли свои первостепенные потребности в медицинских ингредиентах, представленные различными целебными травами, и пище. Цветы и в целом декоративные мотивы играли второстепенную роль. Данные археоботанических исследований подтверждают адекватность документов, описывающих биоразнообразие садов средневековой Европы, а также позволяют выявить их региональную специфику, которая во многом зависела от климатических зон.

Ввиду невозможности ведения полноценного виноградарства в Северной Европе, главным образом в северной Германии, из-за низких температур, это

зона стала центром пивоварению, что способствовало формированию специфических культивируемых зон – хмельников. Славянские территории будущих Польши и Чехии, а также южная часть Финляндии отличались активной культивацией ягод, в т. ч. малины, ежевики, черники и клубники. Северное средиземноморье было регионом виноградарства, а засушливые регионы Иберии являлись центрами по производству инжира.

Глава 3. ПАРК. ОХОТНИЧЬЯ РОЩА

Прототип средневекового леса или парка был своеобразным управляемым ландшафтом, а не дикой природой, а скорее пастбищем, где выращивали дичь, а не домашний скот. Его растительность (верт) предназначалась для кормления дичи (оленины), в основном оленей и, на континенте, диких кабанов, а его ландшафт был сформирован для облегчения охоты. Иллюстрация из личной охотничьей книги, сделанная в 1380-х годах для Гастона Феба, графа де Фуа, показывает, как он едет на охоту на оленя по ландшафту из разбросанных деревьев и небольших рощ, относительно редкого леса, который теперь часто называют 'парковой зоной'. Верховые охотники могли видеть и преследовать добычу, а также быть замеченными и восхищенными зрителями.

Однако считается, что именно благодаря Вильгельму I понятие леса закрепилось в английском праве. Закон о лесах был выделен отдельно от гражданского права и применялся параллельно ему на протяжении столетий. Хотя лесные законы всегда ассоциировались с норманнами, они были заимствованы из законов Канута, которые, по-видимому, впервые были записаны Вульфстаном, архиепископом Йоркским, между 1020 и 1023 годами. Леса представляли собой значительные участки земли, на которых действовало это лесное законодательство. Степень их лесистости была весьма различной, но в целом распределение коррелировало с теми частями страны, которые были наиболее дремучими. Вновь определённые леса были основаны на существующих англосаксонских охотничьих угодьях, как например в случае с Нью-Форестом. Зоны лесов не затрагивали наиболее продуктивные и плодородные сельскохозяйственные угодья.

К 1066 году в Нормандии были созданы королевские и баронские охотничьи угодья, так что норманны, поселившиеся в Британии, уже имели представления о системе хага, упомянутой в англосаксонских хартиях. Тем не менее норманнские законы о лесах, принятые в период правления Генриха I (1100–1135) расширяли права короля, поскольку леса не ограничивались лишь

собственно доменом суверена, а потому олени становились собственностью короля даже будучи пойманными на территориях, формально принадлежащих другим людям. Таким образом, как отмечает исследователь Рэкхэм: «Привычка короля держать оленей на землях других людей была причиной, по которой графы и бароны противостояли организации лесов» [Rackham O., 2006, p. 265]. К концу правления Генриха франкская система была расширена на территорию Англии и даже расширена. Теперь король мог контролировать охоту за пределами королевских земель, запретив создавать охотничьи заповедники, в которые могли бы заходить простые собиратели. В некоторых случаях женщины вообще не в праве заходить на эти дикие территории иначе как в составе охотничьей группы. Из римского права, согласно кодексу Юстиниана, а также, согласно франкскому закону, любая земля, явно не принадлежащая кому бы то ни было, становится королевской собственностью. В лесах каждое дерево и каждое животное принадлежат монарху. Генрих I даже пытался ограничить охоту на мелкую дичь, хотя и мог предоставить часть королевских лесов в пользование какому-либо подданному. Лес при нём стал юридическим термином, применяемым только к юридически определённым охотничьим заповедникам.

В англосаксонской Англии было обычной практикой, когда таны имели обязательства перед короной по ограждению оленьих пастбищ от общего выпаса скота и возведению стойл, т. е. мест для охоты. Как и следовало ожидать саксонские короли имели основательный интерес к охоте, однако охота была, по-видимому, более свободной в те времена, чем, когда бы то ни было после, на протяжении долгого времени.

Эпоха до норманнского владычества характеризовалась большей свободой, а сам закон предусматривал, что каждый человек волен охотиться на собственной земле. Таким образом, право землевладельца охотиться на собственной земле было ограничено на территории Англии сильнее чем в континентальной Европе, лишённые привычного способа добычи оленины, поданные более интенсивно организовывали собственные оленьи парки, хоть и

меньшие по размеру они позволяли обеспечить потребности владельцев. Однако и рост парков был ограничен лицензированием со стороны королевской власти. Во времена правления Генриха никто не имел право организовывать парки без лицензии, нарушение этого порядка вело к штрафам до пяти марок и даже лишению права на созданный парк. При короле Стефане (1135–1154 гг.) эффективность лесного закона падает, их территория растёт и при Генрихе II могла достигать до двух третей некоторых графств и в общей сложности до четверти площади всего королевства. Невозможность управления такими значительными территориями приводила леса в упадок и запустение, что изменяется лишь в 1217 году с изданием Лесной хартии при Генрихе III, после которой новые леса более не объявлялись, а их общая площадь начинает неустанно сокращаться.

В течение XII века в Шотландии короли не в пример своим английским коллегам довольно часто предоставляли своим подданным баронам разрешения на организации парковых заповедников для охоты. Вильгельм Шотландский (1165–1214) продолжал расширение королевских лесов на севере страны, испытывая в этом вопросе давление со стороны землевладельцев, которые расширяли пастбища и пахотные территории. Возможно, именно поэтому Вильгельм организует олений парк в Стерлинге между 1165 и 1174 годами. Александр III (1249-1286), по-видимому, также предпочитал парки королевским лесам, поскольку при нём в 1264 году появляется новый парк в Стерлиге, а также в 1266 году расширяется Кинкардинский парк. Пик создания парков в Англии пришёлся на первую половину XIV века, что некоторые исследователи связывают с упадком королевских лесов [Fletcher J., 2011, p. 136].

Эдуард I предпринял попытки определить точные границы королевских лесов с помощью пеших прогулок, что положительно было встречено баронами, которые в дальнейшем оказывали давление на Эдуарда II с тем, чтобы площади лесов были ограничены этими самыми пешими прогулками, чего удастся достигнуть лишь на заре правления Эдуарда III в 1327 году.

Ричардсон полагает, что это повлекло за собой массовую вырубку лесов, и росту площади королевского парка. Одновременно растёт нагрузка население на природные ресурсы, что выражается, в частности, в увеличении числа эпизодов браконьерства в королевских лесах и парках. Джин Бирелл изучила дела о браконьерстве, о которых известно благодаря обращениям в лесные суды в XIII и XIV веках. Она отмечает, что для норманнского лесного суда не характерно применение драконовских мер по отношению к обвиняемым. Конечно, благодаря сотням обращений формировались дела, по которым выносили тяжёлые наказания, но также имело место снисхождение [Birrell J., 1982, p. 15]. Например, есть свидетельства того, что размер штрафа корректировался в зависимости от богатства нарушителя, и в случае, если средств на погашения штрафа вовсе не находилось, то его могли отменить.

Однако это не отменяет страха перед наказанием за незаконную охоту. Многие нарушители бежали и были объявлены вне закона, вместо того чтобы предстать перед судом. Несостоявшиеся браконьеры даже могли бросить свою добычу, если полагали, что их обнаружили и есть риск столкнуться с лесниками. Случались истории, когда более наглые подкупали и предпринимали попытки подкупа лесничих. Так лесник, который поймал двух браконьеров, снимавших шкуру с лани в лесу Пикеринг в октябре 1331 года, принял взятку и позволил им унести добычу домой. Примечательно то обстоятельство, что крестьяне не оказывали сопротивления при задержании, что отличает их от браконьеров XVII и XVIII веков. Хотя те, кто имел более высокий статус всё-таки, могли предпринимать попытки сопротивления, даже когда попадались с поличным. Бирелл рассматривала правонарушения крестьян, но даёт понять, что средневековые браконьеры отражали весь спектр социальных классов.

В Византии грандиозные императорские охоты часто проводились, как и следовало ожидать, на дикой территории на некотором расстоянии от города Константинополя. Но с течением времени они уступили место сложным охоты на открытой территории, которые часто сводились к придворной сценической

охоте в охотничьих угодьях. Последнее обеспечивало концентрированную и более контролируемую версию того же опыта: расстояния были меньше, игра более предсказуема. Спектр добычи состоял в основном из мелких копытных животных, зайца и кабана, а поскольку парк часто располагался рядом с павильоном или даже резиденцией, всегда существовала приятная возможность для зрителей следить за ходом охоты с близлежащей вышки. Кроме того, большая часть охотничьих трофеев в таких парках добывалась не самими ловчими или их собаками, а соколами, выпущенными для поимки зайца, или гепардом, спрыгивающим со спины лошади всадника, чтобы подстрелить оленя [Littlewood A., 2002, p. 90–91].

Сведения о конкретных охотничьих парках весьма отрывочны. Одним из таких примеров может служить сообщения Лиудпранда о парке расположенного сразу за Влахернскими стенами, за пределами Константинополя. Лиудпранд, посланник германского императора Оттона I, был принят в 968 году на государственном обеде в Константинополе императором Никифором Фокой. Фока не удержался и спросил Лиудпранда: есть ли у твоего хозяина *perivolia* (зверинцы) и есть ли в них *onagers*, то есть дикие ослы? Ответ Лиудпранда о том, что, естественно, у его хозяина есть зверинец и в нем содержатся все виды животных, кроме диких ослов, очевидно, удовлетворил Фоку, поскольку затем он предложил Лиудпранду посетить его парк и посмотреть на них. Несколько дней спустя Лиудпранд отправился кататься верхом в парк, чье точное положение им указано не было, но, когда он заметил ослов, которые были в стаде вместе с дикими козами, он не был впечатлен и сказал себе, что они выглядели точь-в-точь как ослы, которых он мог видеть в любой день на рынок Кремоны. Сопровождающий его придворный предположил, что императора, возможно, удастся убедить дать ему несколько ослов, чтобы он отвез их домой к своему господину Отто, сказав, что дикие ослы “принесут ему, Отто, немалый престиж, поскольку он будет владеть чем-то, чего никто из его благородных предшественников никогда не видел”, однако в итоге посол остался с пустыми руками.

Другой игровой парк, о котором у нас есть хоть какая-то информация — это Philoriation, холмистый ландшафт, окруженный стенами, расположенный к северу от Константинополя, сразу за Влахернскими стенами. Источники, относящиеся к этому парку, показывают, что он был не так уж густо покрыт лесом, поскольку Одо Деуйский, латинский капеллан, который прошел через Philoriation с королем Франции Людовиком VII в 1147 году, говорит, что разнообразные охотничьи животные (“speciosus multimodam venationem includens”) находят впадины и траншеи, чтобы прятаться в них, вместо того чтобы прятаться в леса; в этом “деликатесном месте”, как называет его Одо, были водные пути в виде каналов и прудов, а также различные павильоны, включая резиденцию, в которую пригласили Луи погостить [Littlewood A., 2002, p. 93].

Параллельно с византийскими охотничьими зверинцам существовали сицилийские охотничьи парки, которые организовывались нормандскими королями XII века вокруг Палермо. Вильгельмом I и Вильгельмом II из другого парка, расположенного ближе к Палермо, «Parco Nuovo», была выделена непрерывная ландшафтная зона на равнине внизу, что образовало зеленый пояс вокруг города и соединило различные королевские резиденции, возведенные к западу от Палермо сразу за городскими стенами (дворцы такие, как Зиса и Куба), и был известен как Фавара. Последний парк располагался прямо под королевским дворцом нормандских королей и содержал сложные сооружения для подвода воды к различным павильонам. По словам Оттона Сен-Блезского, когда он был разрушен в 1194 году императором Генрихом VI, парк, по-видимому, был полон экзотических животных.

Таким образом, можно говорить о том, что первые парки в городах Европы не входили в предел городских стен, хотя могли и примыкать к ним. Специфика этой городской территории в том, что она оставалась элитарным пространством со специфическими функциями, которые выражались в охоте и увеселениях, связанных со зверьми, а растения здесь выступали лишь фоном и декорацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы были проанализированы практики по организации и поддержанию первых садов городах средневековой Европы выявлена роль садов в городской повседневности, составлена типологизация городских садов, дана оценка их биоразнообразию на основе документальных данных и данных археоботанических исследований, а также выявлена региональная специфика этого биоразнообразия.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в средневековых городах Европы активно развивалось садоводческое дело. В этих садах могли выращиваться и овощи, и травы, и фруктовые деревья. Кроме того, в особых случаях, когда позволяли площади культивируемой земли, выращивались и пахотные культуры. Однако несмотря на широкое распространение, такого рода огороды и малые сады слабо отражены в документах, и почти отсутствуют в изобразительных источниках. Спорадические упоминания в документах о продаже, судя по всему, связаны с особой ценностью плодовых деревьев.

Даже сегодня огороды остаются малопопулярной темой, почти не фигурирующей в информационном пространстве, что обусловлено банальностью, рутинностью этих объектов в повседневных ритмах городской и сельской жизни.

Таким образом, количество, плотность, площадь садов зависит от протяженности ограждений и плотности среды обитания, продолжительности проживания людей, увеличения или уменьшения численности населения, непредвиденных стихийных по своему характеру изменений будь то осады, преднамеренные разрушения, нашествия вредителей, возникновение руин, расширения территории города на , удобства и комфорта одних, потребности в питательных веществах или потребности в пространстве других.

Семейные городские сады во многих случаях, характеризующихся крайней бедностью, довольно малы по размеру. Огородные участки, островки зелени, принадлежащие профессионалам, хозяйственные постройки

религиозных учреждений, наряду с садами и виноградниками, способствовали разгрузке городского пространства, которое можно воссоздать по произведениям или изображениям на миниатюрах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Alberti Magni. De vegetabilibus et plantis. ed. E. Meyer-C. Jessen. Berlin, 1867. 808 p. (IRL: <http://albertusmagnus.uwaterloo.ca/Downloading.html> Дата обращения: 4.02.2022)
2. Alberti Magni. De vegetabilibus et plantis// История агрикультуры. Агрикультура в памятниках Западного средневековья : [сборник статей] / переводы и комментарии под ред. О. А. Добиаш-Рождественской М. И. Бурского. Москва, Издательство Академии наук СССР, 1936. 364 с.
3. Benedicti Regula Monachorum/ пер. Н. А. Гейнике, Д. Н. Егорова, В. С. Протопопова и И. И. Шитца. Средневековье в его памятниках. М., 1913. (IRL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ordena/Benediktinser/Ustav/text.phml?ysclid=lit9o56xti743630987> Дата обращения: 1.02.2022)
4. Capitulare de villis (IRL: <http://diglib.hab.de/?db=mss&list=ms&id=254-helmst&catalog=Haertel> Дата обращения: 4.02.2022)
5. George Braun. Civitates orbis terrarum. 1575. 292 p. (IRL: <https://archive.org/details/civitatesorbiste00brau/mode/2up> Дата обращения: 4.02.2022)
6. Master Ion Gardener. A Fifteenth Century Treatise on Gardening. With remarks by the Honorable Alicia Tyssen Amherst. 1893. 16 p. (IRL: <https://ellicesblog.wordpress.com/2017/10/30/a-feate-on-gardening/> Дата обращения: 4.02.2022)
7. Opus agriculturae (De re rustica libri XIV): The Fourteen Books of Palladius Rutilius Taurus Æmilianus, on Agriculture / Transl. T. Owen (1807) (IRL: <https://books.google.co.uk/books?id=WoAaAAAAYAAJ> Дата обращения: 4.02.2022)
8. Pietro de' Crescenzi. Rurallium Commodorum. (IRL: <http://architectura.cesr.univ-tours.fr/Traite/Auteur/Crescenzi.asp?param=en> Дата обращения: 4.02.2022)

9. The Good Wife's Guide (Le Ménagier de Paris): A Medieval Household Book/
Transl. G.L. Greco, Ch.M. Rose. Cornell University Press, 2009. 366 p. (IRL:
<https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt7z65p> Дата обращения: 4.02.2022)
10. Walahfried Strabo. Liber de cultura hortorum. (IRL: http://turba-delirantium.skyrocket.de/bibliotheca/walahfried_strabo_hortulus_lat.htm Дата обращения: 4.02.2022)
11. База данных IWGP (Международной рабочей группы по палеоботанике).
(IRL: <https://archaeobotany.org/links/> Дата обращения: 12.04.2022)
12. Валафрид Страбон и его поэма "О культуре садов" или "Садик" // Средние века, Вып. 34. 1971. (IRL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/IX/820-840/Walafrid_Strabo/text1.phtml?ysclid=lita5qh5sl818852621 Дата обращения: 4.02.2022)
13. Епископ Луйтпранд при дворе константинопольском // Вестник Европы, Часть 169. № 24. 1829. (IRL: https://www.vostlit.info/Texts/rus/Liut_Kr/otryv2.phtml?id=6927 Дата обращения: 13.04.2022)
14. Из капитуляриев Карла Великого // Карл Великий. Через Империю к Европе. М. Соратник. 1995. (IRL: https://drevlit.ru/docs/france/IX/800-820/Karl_Gr/Kap_de_Villis/text.php?ysclid=lit9ssojrn584563718 Дата обращения: 4.02.2022)
15. План аббатства Св.Галла. (IRL: https://en.wikipedia.org/wiki/Plan_of_Saint_Gall#/media/File:Codex_Sangallensis_1092_recto.jpg Дата обращения: 4.02.2022)
16. Псевдо-Апулей. Травник Апулея // пер. Горелов Н.С. Кухня ведьм. Полезные тайны. "Азбука-Классика". СПб., 2009. (IRL: <http://www.symposium.ru/node/10305> Дата обращения: 4.02.2022)
17. Хроника Оттона из монастыря св. Власия/ пер. Кулаков. М., 2009. (IRL: https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Otton_sancto_blasio/frametext2.htm Дата обращения: 20.04.2022)

ЛИТЕРАТУРА

1. Abel J. The Oldest Danish Book about Gardening // Garden History: Garden Plants, Species Forms and varieties from Pompei to 1800, edited by J. H. Dickson, P. M. Jørgensen and D. Belgium, 1994. P. 132-137.
2. Agelet A. Homegardens and their role as a main source of medicinal plants in mountain regions of Catalonia (Iberian Peninsula)// Economic botany. Vol. 54. 2000. P. 295-309.
3. Alanko T. Cloister, manor and botanic gardens in medieval and early modern Finland and Sweden. An archaeobotanical approach to garden history. Helsinki, 2017. 43 p.
4. Alberts W.J. Arnhem, life in a medieval city. Dieren, 1983. 72 p.
5. Badura M. Environmental context and the role of plants at the early medieval artificial island in the lake Paklicko Wielkie, Nowy Dworek, western Poland// Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 27. 2018. P. 99–110.
6. Bajard S. Villas and Gardens of Tuscany. Terrail, 1993. 223 p.
7. Balzaretto R. Women, Property and Urban Space in Tenth Century Milan// Gender & History. Vol. 23. 2011. P. 548-576.
8. Bayard T. Sweet Herbs and Sundry Flowers: Medieval Gardens and the Gardens of the Cloisters. New York: Metropolitan Museum of Art, 1985. 120 p.
9. Behre K-E. The history of beer additives in Europe - a review// Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 8. P. 35–48.
10. Birrell J. Who poached the King's Deer? A study in thirteenth century crime// Midland history. Vol. 7. P. 9-25.
11. Black D. Dressing the pleasure garden: Creation, recreation, and varieties of pleasure in the two texts of the norwich grocers' play// The medieval and early modern garden in Britain: Enclosure and transformation 1200-1750. 2018. P. 102-122.
12. Bolens L. Al-Andalus// La production du vin et l'huile en Méditerranée. Greece. 1993. P. 423–438.

13. Bosser J. *Gardens in Time*. CU, 2006. 319 p.
14. Chavannes-Mazel C.A. *The green Middle Ages. The depiction and use of plants in the Western World 600-1600*. Amsterdam, 2022. 344 p.
15. Compton R. *Pleasures and Pastimes in Medieval England*. New York: Oxford University Press, 1998. 252 p.
16. Cubero C. From the granary to the field; Archaeobotany and experimental archaeology at l'Esquerda (Catalonia, Spain)// *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 17. 2008. P. 85–92.
17. David N. *The Later Medieval City. 1300-1500*. Taylor & Francias. 2014. 444 p.
18. Davies W. *Gardens and gardening in early medieval Spain and Portugal*// *Gardens and gardening in southern Europe*. Vol. 27. 2019. P. 327–348.
19. Demade J. *Medieval village in German historiography since the 1930s*// *Rural History of medieval European societies. Trends and prospects*. Turnhout, P. 173-252.
20. Dendle P., Alain T. *Health and Healing from the Medieval Garden*. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2008. 270 p.
21. Dyer C. *Everyday Life in Medieval England*. Bloomsbury Publishing. 2003. 352 p.
22. Fletcher J. *Gardens of earthly delight: the history of deer parks*. Oxford UP, 2011. 284 p.
23. Forcada M. *The garden in Umayyad society in al-Andalus*// *Gardens and gardening in southern Europe*. Vol. 27. 2019. P. 349-373.
24. Fossier R., *La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle*, Paris, Louvain, 1968. T. 1. 436 p.
25. Freeman M. B. *Herbs for the Medieval Household*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1997. 68 p.
26. Galinou M. *London's Pride. The Glorious History of the Capital's Gardens*. Anaya, 1990. 224 p.

27. Garofalo V. Digital Representation of Urban Changes: Fragments of the Medieval Palermo// Congreso Internacional de Expresión Gráfica Arquitectónica. EGA. 2018. P. 1198-1211.
28. Gattiglia G. Pisa in the Middle Ages: archaeology, spatial analysis and predictive modeling. Edizioni Nuova Cultura. Roma. 2014. 217 p.
29. Goodson C. Admirable and delectable gardens: uiridaria in early medieval Italy// Gardens and gardening in southern Europe. Vol. 27. 2019. P. 416-440.
30. Goodson C. Cultivating the City in Early Medieval Italy. Cambridge UP, 2021. 300 p.
31. Goy R. Florence: The City and Its Architecture. Michigan University. 2002. 319 p.
32. Goy R. Venice: The City and Its Architecture. Phaidon Press, 1997. 322 p.
33. Green F.J. Problems of interpreting differentially preserved plant remains from excavations of medieval urban sites// Environmental Archaeology in the Urban Context, Vol. 43. Cambridge, 1979. P. 40–46.
34. Green F.J. The archaeological and documentary evidence for plants from the medieval period in England// Plants and ancient man: studies in palaeoethnobotany. Rotterdam, 1984. P. 99–114.
35. Greig J. Archaeobotanical and historical records compared – a new look at the taphonomy of edible and other useful plants from the 11th to the 18th centuries AD. Circaea, Vol. 12. 1996. P. 211–247.
36. Greig J. The investigation of a medieval barrel-latrine from Worcester// Journal of Archaeological Science. Vol. 8. 1981. P. 265–282.
37. Grieve M. A modern herbal. New York: Dover Publications Inc., 1971. 888 p.
38. Gröger, E. Microbotanical Remains: Pollen analysis// Sourcebook for garden archaeology: methods, techniques, interpretations and examples. Parcs et jardins, Vol. 1. Bern, 2013. P. 361-392.
39. Haggren G. Six estate Landscapes// MASF. Vol. 18. P. 69-81.
40. Hansen U.L., Karg S. Viking Age Garden plants from southern Scandinavia – diversity, taphonomy and cultural aspects.

41. Hellwig M. Plant remains from two cesspits (15th and 16th century) and a pond (13th century) from Göttingen, Southern Lower Saxony, Germany// *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 6. 1997. P. 105–116.
42. Hoffman R. *Environmental history of Medieval Europe*. University Printing House, Cambridge, 2014. 427 p.
43. Hondelink M. The common and the rare: a review of Early Modern Dutch plant food consumption based on archaeobotanical urban cesspit data// *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 29. 2020. P. 553–565.
44. Hopwood R. *Fountains and Water Features*. Princes Risborough: Shire Publications, 2004. 64 p.
45. Jaquinta D.L. *Urban Agriculture: A Comparative Review of Allotment and Community Gardens*// *Urban Ecosystem Ecology*. Vol. 55. 2010. P. 199-226.
46. Innes M., Perry C. *Medieval Flowers: The History of Medieval Flowers and How to Grow Them Today*. London: Kyle Cathie, 2002. 160 p.
47. Jablonski R. *The medieval garden design book*. Maryland, 1982. 48 p.
48. James E. Vance, Professor James E Vance, Jr. *The Continuing City. Urban Morphology in Western Civilization*. Johns Hopkins University Press, 2007. 534 p.
49. Jennings A. *Medieval Gardens*. London: English Heritage, 2005. 80 p.
50. Karg S. Long term dietary traditions: archaeobotanical records from Denmark dated to the Middle Ages and early modern times. In: *Medieval food traditions in Northern Europe*// *Studies in Archaeology & History* Vol. 12. Copenhagen, 2007. P. 137–160.
51. Keshavarz N., Bell S., Zilans A., Hursthouse A. A history of urban gardens in Europe // *Urban Allotment Gardens in Europe*. P. 8-32.
52. Kroll H. Literature on archaeological remains of cultivated plants (1998/1999)// *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 9. 2000. P. 31–68.
53. Landsberg S. *The Medieval Garden*. New York: Thames and Hudson, 1995. 144 p.

54. Latałowa M. Stand-scale reconstruction of late Holocene forest succession on the Gdańsk Upland (N. Poland) based on integrated palynological and macrofossil data from paired sites// *Vegetation History and Archaeobotany* Vol. 25. 2016. P. 239–254.
55. Laughton J. *Life in a Late Medieval City*. California University, 200 p.
56. Leguay J.-P. *Terres urbaines Places, jardins et terres incultes dans la ville au Moyen Age*. Rennes, 2009. 352 p.
57. Lempiäinen T. Archaeobotanical evidence of plants from the medieval period to early modern times in Finland// *Medieval food traditions in Northern Europe*. PNM. *Studies in Archaeology & History* Vol. 12. Copenhagen, 2007. P. 97-118.
58. Lempiäinen-Avci M. Planted, designed and managed landscapes – A review of Finnish garden archaeology involved in garden history with an archaeobotanical view// *MASF*. Vol. 6. 2018. P. 123-138.
59. Lilley K. Medieval urbanism// *Encyclopedia of Global Archaeology*. P. 4743–4750.
60. Littlewood A. *Byzantine Garden Culture*. Paper presented at a colloquium in November 1996 at Dumbarton Oaks. 2002. 281 p.
61. Lityńska-Zajac M, Rębkowski M. Plant use in Muslim Spain: Preliminary results from the medieval town of Madīnat Ilbīra// *Acta Palaeobotanica*. 2020. P. 296-306.
62. Ludlow J. *Medieval Ireland. The Barryscourt Lectures I-X*. Barryscourt Trust, 2004. 349 p.
63. M. Symes *glossary of Garden History*. Princes Risborough: Shire, 1993. 145 p.
64. MacDougall E. *Medieval Gardens*. Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. 278 p.
65. Martinez N.A. Agriculture and food from the Roman to the Islamic Period in the North-East of the Iberian Peninsula: archaeobotanical studies in the city of Lleida (Catalonia, Spain)// *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 14. 2005. P. 341–361.

66. Matos R. Urban Landscape: Interstitial Spaces// *Landscape Review*. Vol. 13. 2009. P. 61–71.
67. McClure J. A New Politics of the Middle Age: A Global Middle Ages for a Global Modernity// *History Compass*. Vol. 13. 2015. P. 610–619.
68. McLean T. *Medieval English Gardens*. New York: Viking, 1981. 320 p.
69. McLeod J. *In a Unicorn's Garden: Recreating the Magic and Mystery of Medieval Gardens*. Sydney, Australia: Murdoch Books, 2008. 288 p.
70. Mozejko B. The plant element in the diet of the inhabitants of Danzig (Gdańsk), Elbing (Elbląg), and Marienburg (Malbork) during the rule of the Teutonic Order: historical and archaeobotanical perspectives. In: *Ecologies of crusading, colonization and religious conversion in the medieval Baltic// Terra Sacra* Vol. 1. Turnhout, 2019. P. 95–110.
71. Mozejko B. The political history of Gdańsk from the town beginnings to the sixteenth century// *New studies in medieval and renaissance Poland and Prussia. The impact of Gdańsk*. London, 2017. P. 17–46.
72. Nichols J. *Maps and Meanings: Urban Cartography and Urban Design*. Adelaide, 2012. 302 p.
73. Niedzwiedz T. The historical frame (Past 1000 Years)// In, The BACC II author team. *Second assessment of climate change for the Baltic Sea basin*. Basel, P. 51–65.
74. Paner H. Archaeological evidence for trade in Gdańsk from the 12th to 17th century// (*Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum*. Lübeck, 1999. P. 387–402.
75. Peña-Chocarro L. Garden plants in medieval Iberia: the archaeobotanical evidence// *Gardens and gardening in southern Europe*. Vol. 27. 2019. P. 375–393.
76. Pokorný P., Kočár P., Jankovská V. Archaeobotany of the high medieval town of České Budějovice (Czech Republic)// *Archeologické Rozhledy*. 2002. P. 813–836.

77. Purcell N. Dialectical Gardening// *Journal of Roman Archaeology*. Vol. 14. 2001. P. 419-453.
78. Racine M., Boursier-Mougenot E. J.-P., Binet F., Parte A., Agathe H. The gardens of Provence and the French Riviera. MIT Press, 1987. 317 p.
79. Rackham O. Woodlands. The new naturalist library. London, 2010. 508 p.
80. Radomski M. «Empty» Space in Central European Medieval Towns through an Interdisciplinary Perspective// *Urban History*. Vol. 49. 2020. P. 1–20.
81. Rakow D.A., Lee S.A. Western Botanical Gardens: History and Evolution// *Horticultural reviews*. Vol. 43. 2015. P. 269-310.
82. Riera E.M. Urban geography of Catalonia. 1968. Barcelona. 21 p.
83. Robbins D.K. A Case Study of Medieval Urban Process. Rome's Trastevere (1250-1450). Berkley, 1989. 1260 p.
84. Romano D. Markets and Marketplaces in Medieval Italy c. 1100 to c. 1440. New Haven, 2015. 272 p.
85. Rosenwein B. The Family Politics of Berengar I, King of Italy (888–924)// *Speculum*, Vol. 71. 1996. P. 247–289.
86. Rosser G., Holt R. The Medieval Town in England 1200-1540. Taylor & Francis, 2014. 300 p.
87. Rudolf Mansfeld and Plant Genetic Resources. Proceedings of a symposium dedicated to the 100th birthday of Rudolf Mansfeld, Gatersleben, Germany, 8-9 October 2001. Ed. By H. Knüpfner, J. Ochsmann. ZADI. Bonn, 2003. 361 p.
88. Salkova T. Economy and Environment of a Medieval Town Reflected in Wells Backfill in Písek, Bakaláře Square (South Bohemia, Czech Republic)// *Interdisciplinaria archaeologica. Natural sciences in archaeology*. Vol. 6. 2015. P. 63-82.
89. Sillasso U. Medieval plant depictions as a source for archaeobotanical research// *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 16. 2006. P. 61–70.
90. Smith M. Urban Empty Spaces. Contentious Places for Consensus-Building// *Archaeological Dialogues*. Vol. 15. 2008. P. 216–231.

91. Stanley B., Stark B., Johnston K., Smith M.E. Urban Open Spaces in Historical Perspective: A Transdisciplinary Typology and Analysis// *Urban Geography*, Vol. 33. 2012. P. 1089–1117.
92. Stephens R.C. Housing in Early Medieval Rome, 500–1000// *PBSR*. Vol. 64. 1996. P. 239-259.
93. Stuart D. *The kitchen garden: a historical guide to traditional crops*. London: R. Hale, 1984. 270 p.
94. Suburban gardens from Provence (Southern France, 14th–17th century) and the presence of *Ricinus communis*// *Vegetation history and archaeobotany*. 2021. P. 313-329.
95. Święta-Musznicka J. Environmental changes and plant use during the 5th-14th centuries in medieval Gdańsk, northern Poland// *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 30. 2021. P. 363–381.
96. Tabacco G. *The Struggle for Power in Medieval Italy*. New York: Cambridge UP, 1989. 386 p.
97. Teira-Brion A. The Town as Agrarian Dissipative Structure: Cash Crops in the Medieval Kingdom of Galicia. *Preprints.org*. 2022. 19 p.
98. Toussaint-Samat M. *A History of Food*. Cambridge MA, 1993. 801 p.
99. Treasure E. R. *The Frontier of Islam: An Archaeobotanical Study of Agriculture in the Iberian Peninsula (c.700 1500 CE)*. Durham University, 2020. 306 p.
100. Van der Veen M. *Archaeobotany: The Archaeology of Human-Plant Interactions// The Science of Roman History. Biology, Climate, and the Future of the Past*. Princeton NJ. 2018. P. 53-95.
101. Van Zuylen. *Paradise on earth: the gardens of western Europe*. New York: Harry N. Abrams, 1995. 175 p.
102. Vercelloni V. *European gardens: an historical atlas*. New York: Rizzoli, 1990. 207 p.
103. Vercelloni V. *European gardens: an historical atlas*. New York: Rizzoli. 1990. 207 p.

104. Verkerk C. L. Couliissen van de macht. Uitgeverij Verloren, 1992. 758 p.
105. Watson A.M. Arab and European Agriculture in the Middle Ages: A Case of Restricted Diffusion// Agriculture in the Middle Ages. Technology, Practice and Representation. University of Pennsylvania Press, 1995. P. 62–75.
106. Whiteman R. Brother Cadfael's Herb Garden: An Illustrated Companion to Medieval Plants and Their Uses. New York: Bulfinch, 1997. 200 p.
107. Willcox G.H. Exotic plants from Roman waterlogged sites in London// Journal of Archaeological Science. Vol. 4. 1977. P. 269–282.
108. Zemanek A. The poppy in old Polish botanical literature and culture// Plants and culture: seeds of the cultural heritage of Europe. Bari, 2009. P. 217–226.
109. Zeven A. On the history of vegetable gardens in North-West Europe// Botanical Journal of Scotland. Vol. 43. 1993. P. 605–610.
110. Zeven A. The history of the medieval vegetable garden of the common man and woman: the poorness of descriptions and pictures// Rudolf Mansfeld and plant genetic resources. Proceedings of a symposium dedicated to the 100th Birthday of Rudolf Mansfeld. Bonn, 2002. P. 155-166.
111. Гусарова Т. П. Город и деревня в Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983. 145 с.
112. Майер В. Е. Деревня и город в Германии в XIV–XV вв. Ленинград, 1979. 169 с.
113. Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). М.: Просвещение, 1973. 144 с.